

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

Д. В. Козлов, О. Л. Воронин

Историческая проза в контексте советской эпохи (20–40-е гг. XX в.)

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

УДК 8(47).09-3/4(075.8)
ББК 83.3(2)я73
К55

Печатается по решению ученого совета
исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р филос. наук *А. Е. Смирнов*;
д-р ист. наук *Ю. А. Петрушин*

Козлов Д. В.

К55

Историческая проза в контексте советской
эпохи (20–40-е гг. XX в.) : учеб. пособие / Д. В. Козлов,
О. Л. Воронин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 115 с.

ISBN 978-5-9624-0972-6

Настоящее учебное пособие подготовлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Посвящено анализу исторической прозы как источника разнообразных интерпретаций исторических событий. Художественное произведение в таком случае предстает как значимая часть развития различных модусов «бытования» истории в обществе.

Пособие предназначено для студентов 3–5-го курсов по направлению «История» и для всех интересующихся вопросами социокультурной специфики советского периода отечественной истории.

УДК 8 (47).09-3/4 (075.8)
ББК 83.3 (2) я73

ISBN 978-5-9624-0972-6

© Козлов Д. В. Воронин О. Л., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. «В поисках жанра»	4
Глава 1. Каноны и догмы	7
Глава 2. Марксизм и история: на примере творчества М. Покровского	13
Глава 3. Русская идея и русская действительность: Б. Пильняк и А. Платонов	23
Глава 4. «Кровь и воля»: А. Веселый и А. Чапыгин	35
Глава 5. Свои и чужие: А. М. Горький и Д. С. Мережковский ...	43
Глава 6. «Я начинаю там, где кончается документ»: Ю. Н. Тынянов	49
Глава 7. Накануне... ..	75
Глава 8. Поворот «все вдруг»	80
Глава 9. «Доносчики»	91
Заключение	111
Рекомендуемая литература	114

Введение

«В поисках жанра»

В современном гуманитарном знании термин «исторический роман» давно является – «топосом» – общим местом (нем. *Toposforschung*), т.е. синонимом категории культуры или образа культуры, – так определяет это понятие созданное Эрнстом Курциусом направление, которое исследует мировую литературу через историю повторяющихся мотивов. «Топосы» в социологии – это склонности, предпочтения знаковые слова какой-либо социальной группы. Поскольку любой научный факт очень связан с интерпретацией, необходимо понять, в какой сценарий исследователь вписывает факты, как он их подбирает. Особенно ярко проявляется в гуманитарных науках понимание того, как историк представляет себе настоящее и какой проект будущего он имеет. Именно из этого исходит и предназначение исторического романа в советском и постсоветском понимании.

В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Поэтому основными задачами авторов данного текста, который все же не является научным исследованием, а представляет собой пособие для изучения некоторых аспектов советского и постсоветского культурного пространства, являются:

1) выяснить основные жанровые особенности исторического романа путем установления его места в типологической иерархии художественной литературы;

2) проследить историю жанра, отраженную в изменении идеологических установок и жанровой проблематики.

М. М. Бахтин основной особенностью исторического романа считал соединение исторической и частной жизни. Основной задачей исторического романа нового времени было преодоление двойственности: старались найти исторический аспект для частной жизни, а историю показать «домашним образом». Такого рода слияние истории и частной жизни является важнейшим признаком исторического романа, более того, это было тем новшеством, которое данный жанр принес в литературу, со всеми сопутствующими деталями: новым типом героя, сюжета и т. п.¹

С точки зрения М. М. Бахтина, кроме соединения истории и частной жизни, к особенностям данного жанра нужно отнести:

а) преодоление замкнутости прошлого и достижения «полноты времени» (т. е. в настоящем живет прошлое, как таковое, а не воспоминание о нем);

б) совмещение различных историко-жанровых типов и предшествующих литературных традиций: греческого, авантюрного, народно-исторического, семейно-биографического, «готического», исторической драмы.

Изучение исторической романистики является разновидностью той сферы исторической науки, которая называется *memory studies* – т. е. исследованиями историко-культурной памяти. Если традиционная история пытается изучать, условно говоря, происходившее на самом деле, то *memory studies* изучает, как прошлое зафиксировано, «запомнено», а потом, несомненно, использовано в различных современных целях. И историческая художественная проза, наряду с исторической драматургией, поэзией, живописью, скульптурой, плакатом, фотографией, эпиграммами, частуш-

---

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Минувшее меня объемлет живо. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 250–251.

ками, кинематографией – этот перечень можно долго продолжать, – является предметом именно научного изучения.

Мы в данном тексте исходим из того, что исторический роман – это форма интерпретации реалий прошлого. Любое литературное произведение – это явление духовной культуры, воплощающее сознание творческой индивидуальности, обобщающее жизнь, отражающее национальные и общечеловеческие особенности изображаемого времени. Автор, моделируя образ и ситуации, «зашифровывает» их посредством художественного языка и собственного стиля. Интерпретация – один из способов художественного истолкования произведения (продукта первичной деятельности писателя). Литературоведческий анализ объясняет текст, выявляет скрытые понятийные пласты.

В основу работы положено утверждение, что исторический роман – самостоятельный литературный жанр, в котором содержится художественное воплощение определенной идеи в образе личности – носителя некоего идеала будущих социальных отношений. Отражая эволюцию общества и государства, исторический роман в процессе своего развития закономерно изменяет свои качества. Это выражается в изменении его проблематики и специфики авторского концептуального подхода к действительности.

Методологической основой работы является сравнительно-исторический метод. Исходным положением при анализе развития жанра является логика развития систем, суть которой – в диалектическом процессе движения от зарождения новой системы как результата всего предшествующего развития к ее становлению и преобразованию в элемент более развитой системы, что справедливо и для каждого этапа ее развития.

Глава 1

Каноны и догмы

Вначале приведем ряд выдержек из руководящего научного труда середины 20-х гг. прошлого века, когда филологи еще пытались сохранить академическую беспристрастность, далекую от идеологической ангажированности. Исторический роман – роман, действие которого разворачивается на фоне исторических событий. Зачатки исторического романа можно усмотреть в романах об Александре Великом и о Троянском походе, написанных в первые века нашей эры и получивших в средние века в многочисленных версиях и переделках огромное распространение по всей Европе.

Если в средневековом романе с исторической окраской история является служанкой мифологии, то еще в середине XVII в. популярная французская романистка m-me Скюдери сознательно придавала своим произведениям историческую видимость, с целью маскировать ею «портретность» изображений некоторых своих современников. Только с развитием исторической науки, раскрывшей всю несхожесть отдаленных исторических эпох и между собой, и с данной современностью и вместе с тем показавшей внутреннее культурное единство всех сторон жизни мог возникнуть подлинный исторический роман, как мы его понимаем в настоящее время – художественная реставрация той или иной исторической действительности с точной разработкой времени (*couleur historique*) и места (*couleur locale*), в рамках которых располагается действие данного художественного произведения. Честь выпуска в свет первого исторического романа принадлежит Шатобриану, «Мученики» которого (пятитомный ро-

ман из эпохи Диоклетиана) появились в 1807 г. Однако отцом исторического романа, сообщившим могучий импульс в этом направлении всему европейскому художественному творчеству, должно считать Вальтера Скотта (1771–1831), этого, по словам Пушкина, «шотландского чародея», который увлек за собой целую толпу «подражателей», действие которого «ощутительно во всех отраслях ему современной словесности». Исторические романы Вальтера Скотта, сюжеты которых он заимствовал из родной ему шотландской («Пертская красавица», «Роб-Рой» и др.), английской («Айвенго» и др.) и общеевропейской («Квентин Дорвард» и др.) истории, начали выходить в свет после 1814 г. Мастерское изображение средневекового быта, архаичность языка, художественное правдоподобие его героев при всей героизации их в стиле народно-эпического творчества, делают его романы до сих пор одним из лучших образцов исторического романа вообще. Большим или меньшим влиянием Вальтера Скотта окрашены, появившиеся в первой половине XIX в. такие значительные произведения, как «Сен-Мар» А. де Виньи, «Хроника царствования Карла IX» П. Мериме и романы В. Гюго («Человек который смеется», «Собор Парижской богородицы»). Написанию всех этих произведений предшествовала самая тщательная научная подготовка: А. де Виньи изучил для своего романа около трехсот исторических исследований и рукописей, знаменитый роман Гюго «Собор Парижской богородицы» блещет исключительной эрудицией в области топографии средневекового Парижа. Однако говорить об их исторической правде можно только условно. А. де Виньи в предисловии к «Сен-Мару» – «размышления об истинности в искусстве», набрасывая поэтику исторического романа, прямо указывает, что пути историка и художника резко иные. Для первого единственно ценным является сомнительная истинность добываемых им мертвых исторических фактов; второй – творческой своей интуицией, в основу которой кладется та или иная легенда, создает некое новое бытие, при всей своей идеальности, ничуть не уступающее реальной правде данной исторической действительности.

В Италии творчество Вальтера Скотта нашло себе наиболее блестящее отражение в романе Манцони «Обрученные» (1825–1927). В отличие от романов Вальтера Скотта, Манцони кладет начало народному историческому роману, рассказывая историю любви двух простых крестьян, после ряда всяческих испытаний, которыми была так чревата изображаемая историческая эпоха, соединяющихся в конце романа.

В дальнейшем развитии французского исторического романа история, как раз наоборот, является всего лишь наиболее удобной почвой для безудержного расцвета романа приключений. Образцы последнего дает, по занимательности своей не имеющее равного в мировой литературе, творчество А. Дюма-отца (1802–1870), в многотомной серии своих, по большей части, свободно переливающихся друг в друга романов с весельем и блеском пробегающего сквозь всю французскую историю до Великой революции включительно. Совершенно новый образец художественно-исторического творчества – произведение Флобера «Саламбо» (1862), представляющее попытку воскресить почти неведомую нам Карфагенскую культуру, но роман Флобера не оставил после себя никакой литературной традиции. Наоборот, «романтическая струя» (ярким образцом которой всегда являлись произведения Вальтера Скотта) забила в 80-е гг. XIX в. с новой силой в творчестве Нобелевского лауреата, польского романиста Г. Сенкевича (романы, основанные на сюжетах из польской и украинской истории: «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский», «Крестоносцы» и др.) и из истории первых веков христианства («Quo vadis?»). Историческая достоверность (в его романах почти нет фактических ошибок) соединяется в Сенкевиче с первоклассным художественным талантом, делающим чтение его романов почти столь же увлекательным, как чтение произведений А. Дюма-отца.

В России с первой оригинальной попыткой исторического «повествования» сталкиваемся в основанной, по уверению автора, на исторических фактах, повести Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792 г.) «Читатель догадается, – пишет он в предисловии к повести, – что старинные любовники говорили не совсем так, как здесь говорят они, но тогдашнего языка мы не могли бы теперь и понимать». В результате это-

го осознания действующие лица повести и говорят, и чувствуют на современном Карамзину литературном жаргоне сентиментализма. Влияние Вальтера Скотта, показавшего, как можно заставить своих героев говорить на языке, свойственном их эпохе, так, чтобы он был понятен и современным читателям, сказалось, прежде всего, в Пушкине, в его «Арапе Петра Великого» (1827). Белинский писал: «Эти семь глав неоконченного романа... выше всех других исторических романов вместе взятых». Однако в сознании современников гораздо больше, чем «Арап Петра Великого» и даже «Капитанская дочка» (1836) отразились исторические романы М. Загоскина («Юрий Милославский», 1829, «Аскольдова могила», 1833) и И. Лажечникова («Ледяной дом», 1835). «Война и мир» Льва Толстого (1860), эта «Русская Илиада», где в гигантскую паутину истории сотканы все борения и страсти человеческого сердца, все искания и печали человеческого духа, где рядом с исключительно меткими портретами великих участников событий 1812 г., дана широкая картина быта, – а вся эта воздушная постройка носится по темным волнам оригинального философско-исторического мировоззрения автора, дает единственный в своем роде образец мирового исторического романа, в то же время, не умещааясь целиком в рамках только этого жанра. Между «Капитанской дочкой» и «Войной и миром» должна быть названа историческая повесть Гоголя «Тарас Бульба», условная романтика которой и прямо противоположная романам Сенкевича идеализация казачества не отменяют ее выдающихся художественных достоинств. Наоборот, излюбленный юношеством роман А. Толстого «Князь Серебряный» 1861 (из эпохи И. Грозного) малооригинален, следуя, с одной стороны, композиционной манере западного романа, с другой – продолжая традиции романов Загоскина и Лажечникова. Из других русских авторов исторических романов можно назвать Мережковского (историческая трилогия «Христос и Антихрист», роман «Александр I») и В. Брюсова («Алтарь победы» и «Огненный ангел»)»².

---

² Цит. по: Благой Д. Исторический роман // Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов. В 2 т. М. ; Л., 1925. Т. 1. <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm>.

Эта статья, как и весь словарь литературных терминов, стремится держаться «золотой середины» между так называемых «пролеткультовским» и «академическим» литературоведением. Поэтому в рекомендуемые для изучения и чтения в «новой исторической действительности» уже не попали ни консервативные авторы охранительно-славянофильского направления (Е. А. Салиас де Турнемир и В. В. Крестовский – «русский Дюма» и «русский Э. Сю», как их называли в XIX в.), ни, как ни странно, исторические поэмы Н. А. Некрасова («Русские женщины», «Дедушка»), ни проза революционного авангарда («Железный поток» А. Серафимовича, «Россия кровью умытая» А. Веселого). Впрочем в ходе культурного строительства 20-х гг. XX в. резко изменились не только цели и задачи литературного творчества, но и оценки литературы предшествующих периодов.

Авторы «Литературной энциклопедии» ориентировались на руководящие документы новой власти и прежде всего на Постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», в котором, в частности указывалось: «10. По отношению к «попутчикам» необходимо иметь в виду: 1) их дифференцированность; 2) значение многих из них как квалифицированных «специалистов» литературной техники; 3) наличие колебаний среди этого слоя писателей. Общей директивой должна здесь быть директива тактичного и бережного отношения к ним, т. е. такого подхода, который обеспечивал бы все условия для возможно более быстрого их перехода на сторону коммунистической идеологии. Отсеивая антипролетарские и антиреволюционные элементы (теперь крайне незначительные), борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части «попутчиков» сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма»³.

---

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). М., 1988. С. 247.

Поскольку издатели и авторы Литературной энциклопедии и словаря принадлежали именно к категории «попутчиков», они, в частности будущий академик и сталинский лауреат Дмитрий Благой, из всех сил пытались сохранить баланс между лояльностью и научной независимостью, этим, видимо, и объясняются умолчания в Литературном словаре.

Глава 2

Марксизм и история: на примере творчества М. Покровского

Рассматривая историю становления исторической романистики XX в., точнее его советского периода (интересно, что многие крупнейшие европейские историки склонны считать XX в. «советским веком» – например, М. Левин или Э. Хобсбаум) мы связываем ее с борьбой исторических школ после 1917 г. Особенно ожесточенно эта борьба (с участием руководителей государства) происходила в 30-х гг. во время «разоблачения» так называемой «школы Покровского». В первой монографии о советском историческом романе указывалось: «...переоценка исторического прошлого как раз и составляет одну из существеннейших особенностей советского исторического романа. В этом смысле он вместе с марксистской исторической наукой делает одно дело»⁴. Современный исследователь Евгений Добренко замечает: «Подобные совпадения, конечно, не случайны: история – это и есть литература, а историк – нарратор. Иначе говоря, история – только рассказ, так или иначе освещающий те или иные события, “имевшие место быть”. Задача историка есть превращение прошлого в историю-рассказ...»⁵.

---

⁴ Серебрянский М. Советский исторический роман. М.: Гослитиздат, 1936. С. 5.

⁵ Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 9.

«Главным марксистским историком» Советской России и наиболее полным выразителем исторического сознания «пламенных революционеров» был Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), которого высоко ценил Ленин, о чем свидетельствует и его письмо к Покровскому по поводу основного труда последнего «Русская история в самом сжатом очерке»: «...чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга... оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет... перевести на европейские языки...»⁶. «Первый марксист-историк» сыграл ведущую роль в разгроме в 1919–1920 гг. Московского университета, изгнании квалифицированной профессуры, а затем закрытии юридического и историко-филологического факультетов, и образования на их базе так называемого факультета общественных наук.

«31 января 1918 г. на совещании в Наркомпросе он заявил, что от Юридического факультета сохраняются кафедры, которые причисляются к Историко-филологическому факультету. А в дальнейшей беседе Покровский сказал, что уничтожение последнего факультета уже предрешено и вскоре будет проведено в жизнь ⁷. Ненужность исторического и филологического, а также юридического образования Покровский объяснял достаточно просто: «поскольку мы уничтожили буржуазную печать, было бы непоследовательно сохранить Юридический факультет, профессора которого даже без намеренья бороться против социалистического строя, тем не менее борются и ведут пропаганду... Со свойственным Покровскому лицемерию он не решался сказать прямо, что университет и свободное преподавание наук несовместимы с диктатурой пролетариата так, как он понимал эту идею Маркса. Во всех высказываниях Покровского я слышал ясно то, что ожидал от него услышать: полное непонимание культурной ценности науки и заученный “классовый” вандализм» ⁸.

---

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 24.

⁷ Веселовский С. Б. Разгром Московского университета : дневниковые записи. М. : Изд-во МГУ, 2011. С. 21.

⁸ Там же. С. 19.

Из эмпирии, каковой виделась история Покровскому и его ученикам, следовало делать отбор исторических фактов на основании «критерия ценности» или так называемого «принципа целесообразности». Иными словами – история есть политика, опрокинутая в прошлое. В еще большей степени это относится к историческому роману или фильму. В той мере, в какой история была предметом борьбы за власть, она является предметом прямого (или косвенного) политического действия. Е. Добренко справедливо замечает: «Покровский лишь (вполне по-ленински), “сорвав фальшивые вывески”, размистифицировал это содержание истории»⁹.

В постановлении ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» отмечалось: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой школой Покровского, которая толковала исторические факты извращённо, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю» (КПСС в резолюциях... С. 319). Сложившаяся в 20-е гг. XX в. обширная школа Покровского была объявлена «базой вредителей, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций» (Там же. С. 145). Книги Покровского изымались из библиотек, а учебники по истории переписывались в соответствии с новой исторической концепцией.

Посмертный разгром Покровского был начат Е. Ярославским в своей статье в «Правде» 12.01.1939 и довершён двухтомником «Против исторической концепции М. Н. Покровского», изданном в 1939–1940 годах. Реабилитация школы Покровского началась после XX съезда КПСС. В 60-х гг. было осуществлено издание четырёхтомного сборника его исторических сочинений «Избранные произведения». Но и в 1960–70-е гг. Покровского критиковали за «эклектические

---

⁹ Соцреалистический канон... С. 12.

попытки соединения марксизма с буржуазными теориями» и «неверное понимание выявленных Марксом исторических закономерностей»¹⁰.

Необходимо оговориться, что история исторической науки и «борьба против школы Покровского» – это тема необычайно обширная, сложная и многоплановая, связанная не только с вопросами изучения истории, но и с внешней, и внутренней политикой Советской власти. Мы же ограничимся сюжетом о том, как исторические концепции Покровского и историков, причисленных (иногда искусственно) к его «школе», повлияли на складывание жанра советского исторического романа. Данный текст ставит задачу проследить некоторые закономерности развития этого жанра в советской культуре и его роль в формировании так называемого советского человека и его исторической памяти. При этом делается попытка анализа ряда произведений исторической прозы и выявления их противоречивого содержания – сочетания одновременно как «воспитательно-пропагандистского», так и «диссидентского» дискурсов.

Согласно марксистской доктрины, самозванным хранителем и блюстителем которой объявил себя Покровский, история представляла собой поле «классовой борьбы» и перманентного конфликта между «производительными силами» и «производственными отношениями». Что же ставили в вину главному марксисту-историку? Согласно Ярославскому, Покровский извращал содержание важнейших, переломных периодов русской истории. Например, Покровский видел в татарах своеобразных культуртрегеров, утверждая, что «татары даже в XIII–XIV вв. вовсе не были «степными хищниками», а были довольно высоко организованным полуседлым народом, а в области материальной культуры стоявшим даже выше своих русских противников, благодаря главным образом влиянию Китая, отчасти и арабов. Историк полагал, что жители юрты обладали «техническим превосходством» «не

---

¹⁰ Соколов О. Д. Примечания к Русской истории в самом сжатом очерке // Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке // Избр. соч. Кн. 3. М.: Мысль, 1967. С. 612.

только над оседлым человеком Восточной Европы XIII века, но и над современным населением тех мест»¹¹.

В противовес традиции, утверждавшей, что польская интервенция XVII в. была неприкрытой агрессией со стороны Польши, Покровский утверждал, что «Смута» – это буржуазное понятие, что в действительности это была эпоха восстания низов, а Самозванец опирался на поддержку казаков и московского служилого люда»¹². Неудивительно, что Покровский, по мнению своих критиков, «не оценив как следует польскую интервенцию и сведши на нет героическую борьбу, которую вел русский народ с польскими захватчиками за свою национальную и политическую независимость», не только не разглядел Минина и Пожарского, но и не увидел никакой доблести в русских ополчениях. В поэтической форме интерпретацию русской истории по Покровскому выразил в те годы иркутский комсомольский поэт Джек Алтаузен:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал,
Случайно им мы не свернули шею
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Рассею!
А может, лучше было не спасать?

Таковыми же «антипатриотическими» были взгляды Покровского на войну 1812 г. Виновником войны он видел русское дворянство, боровшееся за свой «торговый капитал». Неудача войны виделась ему в трусости русских военачальников, боявшихся гениального Наполеона, бездарности и старости Кутузова. «Партизанской войне» он и вовсе дал самые уничижительные оценки. По Покровскому, народ боролся не с «иноземными захватчиками», а с мародерами, одетыми в мундиры. «Дубину народной войны» он трактовал следующим образом: «на защиту от разбойников, одетых во французские, вюртембергские, вестфальские и иные мунди-

---

¹¹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 34.

¹² Там же. С. 67–68, 70, 72.

ры, поднималось крестьянство, вооруженное чем попало: и так как оно имело дело с неприятелем до последней степени дезорганизованным, то победа, и часто довольно легкая, оставалась на стороне крестьянства. На множестве отдельных примеров можно проследить, как именно этим путем защиты своего очага от мародеров пробуждался в массах тот патриотизм, о котором так много и бесплодно говорили наверху»¹³. Один из учеников Покровского С. А. Пионтковский (впоследствии погибший как «враг народа») повторил это утверждение в известной интерпретации: крестьянство восстало «за своих кур и гусей», утверждая, что именно в этом и «заклучались корни того крестьянского патриотизма, который старательно восхвалялся буржуазными и помещичьими историками»¹⁴. Так же «антипатриотично» утверждал Покровский, что, к примеру, русско-турецкая война не преследовала никаких национальных интересов России, но была выгодна только Германии и стала результатом козней Бисмарка, переключившего интересы России с Европы на Турцию. Такой же бессмысленной была, согласно Покровскому, и русско-японская война.

Потому-то «марксистских историков» вовсе не занимали «исторические личности», а русские князья и цари (будь то Рюриковичи или Романовы) были для Покровского сплошным паноптикумом, в котором он если и выделял наиболее выдающихся лиц, то тут же давал им дискредитирующие характеристики. Наиболее известна и типична для подобного взгляда характеристика Петра. Не только личные качества царя (сифилитик, почти безумный к концу жизни, садист, собственноручно пытавший сына, алкоголик, заперший свою жену в монастырь), но и его деятельность не могли найти сочувствия в «марксистской истории». Так, Покровский считал лишь «старым предрассудком» мнение, будто Петр основал регулярную армию, поскольку еще до него существовало стрелецкое войско. Петровская гвардия была, согласно Покровскому, не столько военной силой, сколько выполняла роль жандармерии; новый флот был негодным, поскольку

---

¹³ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 81.

¹⁴ Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 94.

строился из сырого леса; внешнеполитические акции ничего не дали, но лишь привели к разорению страны и т. д.

Взгляд Покровского на «роль личности в истории» характеризует такое красноречивое утверждение: «Мы, марксисты, не можем рассматривать личность как творца истории. Для нас личность есть тот аппарат, через который история действует...»¹⁵.

Проблема личности в истории, как бы снимаемая Покровским, тем не менее, оставалась актуальной в русской литературе. Конечно, мы не можем отнести эмигрантские произведения Алексея Толстого к советской литературе, но дальнейшая эволюция писателя и его творчества очень показательна. Актуализация в исторической прозе проблемы роли личности в истории, на некоторое время определила специфику жанра. И, что характерно, именно личность Петра Великого – «первого русского большевика»¹⁶ стала предметом художественно-исторических изысканий.

Хмурая атмосфера, воспроизведенная в рассказе Толстого «День Петра» (1918), отражает состояние личности, раздавленной слепой логикой истории, воплощенной в фигуре Петра I. Каким же рисуется Петр на фоне строящегося «парадиза» Петербурга? В рассказе царь Петр, у которого «круглые... черные глаза, словно горевшие безумием», обладает необыкновенной волей и гордостью, страшит и пугает всех от боярина до тяглового человека. Это разрушитель национальных устоев, веками сложившегося уклада русской жизни. Рассказ был написан в то время, когда ломался не только наложенный быт, ломалась историческая традиция России, так же, как в петровское время, происходил разрыв со старым. Автор показал Петра как самодержца-самодура, в одиночку пытающегося перестроить Россию на европейский образец. Толстого не смущают явные исторические неточности; дело происходит после 1718 г. и на одном из балов в рассказе верховодит Франц Лефорт, умерший в 1699 г.

---

¹⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 15.

¹⁶ Определение английского историка Д. Хоскинга. См.: Хоскинг Д. История Советского Союза. М., 1991. С. 6.

Автору неважны конкретные реалии, главное выразить идею, что преобразования были несуразны и не нужны. Это выражается и подчеркиванием неряшливости, путаницы в кабинете Петра, и нелепостью и неряшливостью одежды придворных и прямой авторской речью: «С перекаленным от гнева и нетерпения лицом прискакал хозяин из Голландии в Москву, налетел с досадой... Сейчас же, в этот же день, всё перевернуть, перекроить, обстричь бороды, надеть всем голландский кафтан, но умнеть, думать начать по-иному. И при малом сопротивлении – лишь замкнулись только, что, мол, не голландские мы, а русские... Не можем голландскими быть, смилуйся, – куда уж! Разъярилась царская душа на такую непробудность, и полетели стрелецкие головы...»¹⁷. Писатель раздвоен: значение дел Петра для него велико, но идея насилия над свободой духа, пусть и из благих побуждений, отвергается.

Особенно рельефно отразились концепции Покровского в первенце советской исторической драматургии – пьесе Толстого «На дыбе». Петр в пьесе выглядит явно «антипатриотично»: «Стрельцы, стрельцы, гидры отечества... Какой же им еще крови нужно, чтобы в разум вошли?...»¹⁸; «Не служат, не работают – кормятся. Русские мне шведа страшнее...»¹⁹; «Сообщниками его (царевича Алексея. – *Прим. авт.*) – бородачи, попы, боярство недоломанное... Русские люди... Ради тунеядства своего любому черту готовы государство продать...»²⁰. Противоположная позиция у царевича Алексея: «Буду жить на Москве, летом – в Ярославле буду жить... Кораблей держать не буду... Войско – самое мало число... Тихо, в радости, без страха...»²¹. Один из сподвижников Алексея тоже выступает в защиту патриархальности: «Тем и сильна была Россия, что, прикрыв срам лица брадой, аки голубь в святом неведении возносила молитвы...»²². В борьбе против боярства, в ве-

---

¹⁷ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 1. С. 36.

¹⁸ Там же. Т. 10. С. 588.

¹⁹ Там же. С. 602.

²⁰ Там же. С. 626.

²¹ Там же. С. 615.

²² Там же. С. 618.

ликодержавных устремлениях царь опирается на купечество, на посадских людей (т. е. на «торговый капитал»).

Недаром в 1930-х гг. образ Петра в пьесах и романе Толстого подвергся кардинальным изменениям, в связи с инновациями власти. Кстати, и специалисты «школы Покровского», также критиковали исторические пьесы А. Толстого: «...есть в них один общий и весьма существенный недостаток: ослабленность, сглаженность драматургического конфликта при изображении отношений царя и народа... эти отношения представлены идиллически... классовая направленность петровских реформ, их крепостнический характер оказались затушеванными»²³; «Писатель совершенно снимает противоречия между государством и народом, в пьесе нет даже намека на какой-либо антагонизм между ними»²⁴. Закономерен вывод: «Забвение важного момента классовой борьбы и односторонний показ событий нельзя не считать шагом назад в творческой жизни писателя»²⁵.

Такая же эволюция в драматургии Толстого характерна и для образа Ивана Грозного. В 1920-е гг. в первых редакциях Грозный так же высказывается, как «антипатриот»: «Думные бояре уперлись брадами в пупы, засопели сердито... Собацкое собрание!»; «Ныне на меня легла вся тяга русской земли. Ее собрать и вместо скудости богатство размыслить»; «Не короли мне страшны – Москва. Толща боярская. Им на разорении земли – богатеть да лениветь! Им государство – адова твердыня!»; «Стонут княжата! Служба им – неволя! Неохота в кольчугу влезать – брюхо толсто...». С одних и тех же позиций защиты старины выступают противники Ивана. Митрополит Филипп: «Мало ему (речь идет об Иване Грозном – авт. прим.) вдов горемычных, мало ему сирот... Жить надо тихо. Пчела ли зазвенит или птица пропела – вот и весь шум. Да бей себя в перси, не переставая, – кайся... Вот как жить надо»²⁶.

---

²³ Сокольская А. Л. // Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 9. С. 772.

²⁴ Бороздина П. А. Творческий путь А. Толстого. М., 1960. С. 156.

²⁵ Там же. С. 157.

²⁶ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 682.

В свою очередь, для Покровского «учреждение опричнины» – это «государственный переворот, где царь выступает агентом торгового капитала», а не полновластным владыкой²⁷.

Но дело, разумеется, не только в прямом совпадении смысла реплик – драматические произведения о Петре и Иване Грозном сближаются между собой и в особенностях центрального конфликта: и тут и там в центре внимания борьба царя-самодержца с боярской – прежде всего! – оппозицией. Бояре противопоставляют сильной личности царя-самодержца безвольного человека, который должен быть послушным исполнителем воли тех, кто его подталкивает к трону (таковы царевич Алексей и князь Владимир Старицкий).

---

²⁷ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке // Избр. соч. Кн. 3. М. : Мысль, 1967. С. 57.

Глава 3

Русская идея и русская действительность: Б. Пильняк и А. Платонов

«Русская история в самом сжатом очерке» появилась в 1920 г., и в этом же году Борис Пильняк – самый яркий и самый читаемый представитель новой революционной литературы – публикует в сборнике «Былье» «Рассказ о Петре» (впоследствии названный «Его величество Kheeb Piter Komandor»), а через два года в Берлине издательство «Геликон» выпускает его сборник «Повесть петербургская или святой камень-город». Именно эти рассказы можно считать началом советской исторической прозы. «В рассказе о Петре» и Петр I, и его детище – Петербург – изображены, как злое наваждение, ненужная издёвка над Россией, как нечто, глубоко противное ей, наносное. Вся деятельность Петра представлена сплошным дебошем, озорством, насилием над «физиологией народной жизни». «Петр I – гениальный игрок, маниак, не знавший никогда подлинной России, всегда пьяный сифилитик, деспот, убийца, человек с идеалами казармы. Такова и его реформаторская деятельность, дикая, необузданная, бессмысленная и насквозь чуждая народу. И в то время, как Петр сгонял “людишек” на топкие болота и заставлял их, как илов, работать над возведением нового “парадиза”, “старая, канонная, умная Русь, с ее укладом, былинами, песнями, монастырями, казалось, замыкалась, пряталась, – затаилась на два столетия”. От Петра пошли города, Запад, интеллигенция, ненужная, оторванная от жизни народной, церковь, как прида-

ток к самодержавию, деспотизм “самовластительных злодеев”, все это налегло, придушило народ, вампирствовало, извращало и искажало избяную Русь...». Так пишет о «петербургских рассказах» Пильняка первый марксистский литературовед, основатель, и редактор «Красной Нови» Александр Воронский, впоследствии вместе с Пильняком репрессированный как «троцкист»²⁸. Это фактически прямой парафраз Покровского, но далее автор «Голого года», «Повести непогашенной луны», романа «Корни японского солнца» (за этот роман позднее был объявлен дополнительно еще и «японским шпионом») резко расходится с марксистом и западником Покровским. «Русская революция освободила ее... от этой наносности, сора и цивилизаторского мусора. Из Петербурга Октябрь увел Россию в Москву. Революцию делал народ, вылезший из изб, деревень, лесов, от полей диких и “аржаных”, черная кость, мужик. И никакого Интернационала нет, а есть народная, национальная, чисто-русская революция, в которой народ в первую очередь сосчитался со всем наносным, ненужным, с помещиком, с интеллигенцией, с деспотизмом»²⁹.

Эти идеи и эта образность получили распространение в 20-х гг. прошлого века среди русской эмиграции под именем «евразийства». Пильняка порой с этим течением прямо соотносят: «Интересно, что евразийские идеи в эти годы нашли себе выражение и в Советской России, например в писаниях Бориса Пильняка»³⁰. Другой эмигрантский критик возражал ему, касаясь именно исторической прозы Пильняка: «Если хотите, Пильняк “евразиец”, но не поздоровится “евразийцам” церковного толка от его описаний, ибо в повестях и рассказах витает не Русь православная и смиренная во Христе, а Русь языческая темная душевной и ночной темнотой»³¹. Но ведь если обратить внимание на начальные главы «Русской истории» Покровского, то он определяет древних славян, как

---

²⁸ Воронский А. Литературные силуэты. I. Борис Пильняк. М.: ГИЗ, 1921. С. 6–7.

²⁹ Там же. С. 12.

³⁰ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1925. С. 99.

³¹ Слоним М. О русской литературе // Воля России. 1925. № 7–8.

«...народ очень первобытный» и таких примеров «дикости» и «отсталости» Руси у него великое множество. Но он их, в отличие от Пильняка, не поэтизирует и не идеализирует.

Несколько позже в историческую литературу пришел молодой инженер-мелиоратор Андрей Платонов с повестью «Епифанские шлюзы» (1927). Сразу отметим, что это практически единственное произведение писателя на историческую тему. Творчество Платонова – одно из крупнейших и значительнейших явлений русской литературы (повести «Котлован», «Усомнившийся Макар», «Река Потудань», роман «Чевенгур» и др.) нами подробно не рассматривается. В указанной повести же явно прослеживается влияние Пильняка, с которым Платонов позже даже работал как соавтор, но язык «Епифанских шлюзов» все же далек от обрывочной, неровной и кинематографичной прозы Пильняка. Основной меседж повести – столкновение человека «рационалистической эпохи» с «русским варварством». В уста одного из героев писатель вкладывает следующие сентенции: «Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в невежестве своем... Алчный зверь наравне с человеком себе жизнь промышляет... Царь Петер весьма могучий человек, хотя и разбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью...»³².

Фабула повести достаточно проста. Английский инженер Вильям Перри, щедро награждённый Петром за усердие в устройении шлюзов на реке Воронеж, письмом зовёт в Россию своего брата Бертрана для исполнения нового царского замысла – создания сплошного судового хода меж Доном и Окою. Предстоят большие шлюзовые и канальные работы, для прожектерства которых и пообещал Вильям царю призвать брата. На основании изысканий, составленных знающими людьми – французским инженером и польским техником, Бертран полгода трудится над прожектом и планами работ, очарованный великим замыслом Петра. Документы до-

---

³² Платонов А. Избранное. М., 1977. С. 86.

ложены царю, который их одобряет и выдаёт Бертрону награду в тысячу пятьсот рублей серебром и учреждает жалование впредь по тысяче рублей каждый месяц. Кроме того, Бертрону даны права генерала с подчинением только царю, а наместникам и воеводам дан указ оказывать полное «воспо-собление» главному инженеру, но, дав Бертрону все права, царь Петр напоминает и о том, что он умеет не только благо-дарить, но и наказывать «супротивщиков царской воли».

Бертран вместе с пятью немецкими инженерами отправ-ляется в город Епифань, в самую середину будущих работ. Работа начинается сразу, в ней Бертран «исходит энергией своей души» – и сподручные прозывают его «каторжным ко-мандиром». Осенью приезжает в Епифань Петр и остаётся недоволен тем, что работы идут медленно. Действительно, как ни ожесточался Перри, мужики укрывались от повинно-сти, а местное начальство наживалось на поборах и начётах с казны. Петр проводит дознание, воеводу бьют кнутом и ссы-лают в Москву для дополнительного следствия, где тот уми-рает. Не только болеют и умирают балтийские мастера и тех-ники-немцы, но также и бегут по тайным дорогам на родину, а без них мужики и вовсе целыми слободами не выезжают на повинность. Под страхом смертной казни приказывает Перри не пропускать нигде иноземцев в обратную дорогу, но и этим не получается «усечь чинимое зло». Новый воевода перехва-тывает челобитные к царю и объясняет Бертрону, что здеш-ний народ – «охальник и ослушник» и норовит только доно-сы сочинять, а не работать. Бертран чувствует, что и новый воевода – не лучше прежнего. Он шлёт Петру рапорт с описа-нием всей истории работ. Царь объявляет епифанское вое-водство на военном положении, присылает нового воеводу, но и угрожает Перри расправой за нерадивую работу: «Что ты британец – отрадой тебе не станется». Весна выдаётся не-дружная, и русла рек не заполняются водой до нужного уров-ня. Оказывается, тот год, когда проводились изыскания, был необычайно обильным на воду, а для обычного года расчёты неверны. Для накачки воды в каналы Бертран отдаёт приказ расширить обнаруженный подводный колодезь на Иван-озере. Но при работах разрушается вододержащий глини-стый пласт, и вода ещё больше убывает. Бертран уже знает,

что не выберется живым из этих просторов, но работы продолжаются. Через год на испытание шлюзов и каналов прибывает комиссия во главе с тем самым французом, по изысканиям которого и делался проект работ. Пущенная по каналам вода поднимается так незначительно, что в иных местах и плот не может пройти, не то что корабль. «Что воды мало будет, про то все бабы в Епифани ещё год назад знали, поэтому все жители и на работу глядели как на царскую игру и иноземную затею...»³³. Комиссия делает вывод: затраты и труды считать напрасными. Перри даже не пытается доказать свою невиновность. Через два месяца Петр присылает курьера с сообщением: Бертрана Перри, как государственного преступника, гнать пешеходом в Москву со стражниками. Бертран сидит в башенной тюрьме Кремля и просыпается от людей, стоящих над ним. Это дьяк, читающий приговор, и огромный палач-садист без топора. Больше часа, скрежеща и сопя, палач исходит лютостью над угасающей жизнью Бертрана Перри. Пахнущее духами письмо из Англии, которое приходит в Епифань на имя мертвеца, воевода Салтыков кладёт от греха за божницу – на вечное поселение паукам.

Персонажи, события и форма власти олицетворяют всё то, что происходило в реальности. Молодой Платонов лично принимает участие в борьбе с Тамбовской засухой, поэтому понимает отчаяние борцов с этой проблемой, однако Советской властью поставлен непререкаемый план – победить засуху в определённые короткие сроки. Амбиции власти, рывшей каналы, соединявшей реки и поворачивавшей их вспять – полное повторение периода петровской России. Царь – сильный, смелый, щедрый человек, как и новый лидер страны Советов, но в нём уже обнаруживаются зачатки тирании, и Платонов намекает нам на те же зачатки у Сталина. В этом рассказе, как и в других фантастических, утопических и гротескных творениях писателя, природа ставит на место человека, возмнившего себя властелином над ней, каким бы гениальным ни был этот человек.

---

³³ Платонов А. Указ. соч. С. 99.

Современный популярный писатель и поэт Дмитрий Быков, неожиданно, но очень метко сравнивает Платонова с заслуженно забытым певцом коллективизации Федором Панферовым, автором многотомного романа «Бруски»: «Бруски: вообще – своего рода недо-Платонов...»³⁴. Критик в доказательство приводит чуть ли не «сердцевинную» сцену второй части «Брусков» – фантастически-бредовый эпизод осушения Вонючего Затона. «Вонючий» он потому, что туда многие годы подряд прибывает дохлую рыбу, и тут одного из персонажей осеняет утопическая идея: «Эту рыбу следует перекинуть на поля, осушить затон, очистить гору от кустарника и на горе рассадить... виноградник (!). Идея растить виноград в Поволжье несколько озадачивает даже главного положительного героя: «...но насчет рыбы ему понравилось. Он вспомнил, когда-то его дед Артамон, рассаживая сад, клал в ямки под молодые яблони куски дохлой лошади. – Полезно. Яблони быстро росли. Мясо полезно для яблонь. А рыба – мясо. Хлеб»³⁵. Это – и по языку, и по способу организации речи – пошел уже чистый Платонов.

Главный герой вывешивает объявление: кто наберет пуд дохлой рыбы – тому пять копеек. В конце концов, начали чистить этот Вонючий Затон, причем гнилая рыба расплзается в руках, – все это написано так, что хочется немедленно вымыться; толку, разумеется, никакого не вышло, но пафос сцены несомненен.

Вспоминается произведение, структурно повторяющее русскую жизнь, как ее трактовали конструктивисты. Возьмем Эйзенштейна: во все кинохрестоматии вошла сцена поглощения немецкой «свиньи» русской кашей, роевой массой, бесструктурной, но бессмертной органикой. «Структура есть смерть, а Россия – каша, субстанция вязкая, глинистая, сырая, неоформленная, но липкая и живучая. А поскольку «Бруски» – недвусмысленная метафора России, то все, в общем, понятно, да она так до сих пор и живет коллективным разу-

---

³⁴ Быков Д. Литература советская : очерки. М., 2013. С. 65.

³⁵ Панферов Ф. Бруски. Кн. II. М. : Изд-во Моск. рабочий, 1930. С. 386.

мом: власть только думает, что управляет. А решает – масса, ее неосязаемые связи и непредсказуемые хотения»³⁶.

Но вернемся к Платонову. О страшной гибели выдуманного героя достаточно уместно будет вспомнить в контексте необычного судебного процесса, прошедшего в Москве в 1933 г. На скамье подсудимых сидели граждане как Советского Союза, так и Великобритании – сотрудники компании «Метрополитан-Виккерс», давно и активно работавшей к тому времени в СССР. Эта фирма поставляла электротехническое оборудование для многих советских электростанций и первой линии Московского метрополитена. Британцам предъявили обвинения в шпионаже, «вредительстве», а также попытках подкупа советских госслужащих – с целью осуществления этого самого вредительства. Процесс завершился вынесением обвинительных приговоров. В отношении британских подсудимых они оказались очень мягкими, и вскоре даже те из них, кто получил тюремные сроки, были высланы на родину. Канадский историк Гордон Моррелл посвятил процессу 1933 г. книгу «Британия против сталинской революции. Англо-советские отношения и кризис «Метро-Виккерс». По его словам, между арестом подозреваемых и судом прошел лишь месяц: шесть британских и 12 советских сотрудников «Метро-Виккерс» были 11 марта арестованы, а уже 11 апреля начались судебные заседания. На них председательствовал глава Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Ульрих, который впоследствии вел наиболее известные политические процессы сталинской эпохи. Сторона обвинения была представлена Андреем Вышинским, в ту пору – Прокурором РСФСР. Тот факт, что делом «Метро-Виккерс» занимались столь высокопоставленные представители сталинской юстиции, показывает, какое большое значение придавал Кремль этому процессу. Как мы уже говорили, «Метро-Виккерс» давно работала в России – в первых проектах здесь она участвовала еще до большевистской революции. Когда Сталин начал проявлять интерес к осуществлению крупней-

---

³⁶ Быков Д. Литература советская: очерки. М., 2013. С. 69.

ших проектов индустриализации с применением самой современной техники, «Метро-Виккерс» уже была ведущим мировым производителем оборудования для гидроэлектростанций, а также специализировалась на его установке. Она участвовала в осуществлении плана электрификации России ГОЭЛРО и входила в число иностранных фирм, которые смогли установить особые отношения с советскими властями на какое-то время. У компании были представительства по всему СССР.

О том, как ОГПУ обращалось с ними после ареста, один из британцев позднее писал: «Никаких конкретных обвинений мне не предъявили, однако предложили во всем сознаться. Применялись обычные угрозы... Затем мне устроили перекрестный допрос, целью которого было заставить меня признать, что я являюсь сотрудником британской разведки. После восьми часов бесплодных пререканий они это дело бросили. Потом начался еще один такой же допрос (он длился пять часов), чтобы заставить меня признать, что у меня имелся секретный источник средств на контрреволюционную и подрывную работу. Через пять часов было снято и это обвинение. После этого мне дали примерно пять часов поспать»³⁷.

В конце концов из шестерых обвиняемых-британцев свою вину частично признал лишь один, самый молодой и, по воспоминаниям очевидцев, наиболее психически лабильный – Уильям Макдональд. Лесли Торнтон, также поначалу признавший, что деятельность его и его коллег носила шпионский характер, затем отказался от своих слов, заявив, что подписал признание «в таком состоянии, в каком подписал бы все что угодно» – под сильным психологическим давлением со стороны следователей. Что касается русских обвиняемых на этом процессе, то им вменялась в вину организация диверсий, прежде всего на электростанциях.

В начале 30-х гг. на электростанциях действительно произошла серия крупных аварий. Их причины, впрочем, были куда более прозаичны, чем хотело представить гособвинение. Скажем, авария на Каширской электростанции в апре-

---

³⁷ Петров Н. Дело «Метровик». М. : ИЦ Мемориал, 2003. С. 42.

ле 1931 г., из-за которой на некоторое время оказалась без электричества Москва, была вызвана подъемом воды в реке и рядом конструктивных недостатков самой станции. Большое число аварий на этих объектах объяснялось тем, что там порой работали люди, не умевшие толком обращаться с вверенной им техникой. Инженеры признали, что в некоторых случаях и британское оборудование могло иметь дефекты, но категорически отвергли возможность умышленных поставок негодных агрегатов. Некоторые обвинения, выдвинутые на процессе «Метро-Виккерс», начали рассыпаться уже в ходе суда. Вот, например, комичный диалог свидетеля обвинения, техника ДнепроГЭСа Зиверта, и обвиняемого – инженера Альберта Грегори.

«Зиверт. Здесь есть монтер «Метро-Виккерс» Грегори, который начал делать полный прорыв и порчу оборудования... Я делал за 8 часов 5 изоляторов. Грегори за 12 часов ставил только один... Когда ему был задан вопрос, он ответил, что он приехал в Россию не работать, а деньги нажить.

Грегори (перевод). Я не делал такого заявления.

Зиверт. Грегори начал говорить нашим рабочим, что у вас здесь люди ничего не имеют кушать, а у нас за 25 копеек кушают масло, белый хлеб и прочее. Вообще он вел агитацию...

Грегори (перевод). Но я не умею говорить по-русски.

Ульрих. На каком языке Грегори разговаривал?

Зиверт. По-английски.

Ульрих. Вы понимаете по-английски?

Зиверт. Нет...

Грегори (перевод). Этот человек порочит мою репутацию, и вы принимаете это заявление без доказательств. Справедливо ли это?.. Я говорю, что если бы эта работа была проделана в меньший срок, то от этого пострадало бы качество работы»³⁸.

В итоге удалось доказать только факты передачи британцами денег и «подарков» некоторым их советским коллегам – иногда за сверхурочные работы, иногда за, как сказали бы сегодня, лоббистскую деятельность в пользу «Метро-

---

³⁸ Петров Н. Указ. соч. С. 46.

Виккерс». Тем не менее трое советских граждан получили по десять лет заключения, еще двое – по восемь лет, один – пять лет лишения свободы. Приговоры британцам оказались куда более мягкими: Торнтон – к трем, Макдональда – к двум годам заключения. Аллана Монкхауса, Джона Кашни и Чарлза Нордуолла просто выслали из СССР, запретив въезжать в страну в течение пяти лет, а Альберта Грегори и вовсе оправдали за недостатком доказательств. Торнтон и Макдональда через несколько месяцев освободили и тоже выслали в Британию.

Дело «Метро-Виккерс», однако, имело большой политический резонанс. Британское правительство ввело эмбарго на торговлю с СССР, что дало наркому иностранных дел Литвинову дополнительные аргументы, чтобы выступить за максимально мягкое разрешение ситуации с британскими инженерами. Кроме того, за неделю до ареста сотрудников «Метро-Виккерс» в должность президента США вступил Франклин Д. Рузвельт. При нем ведомство Литвинова развило дополнительные усилия, чтобы добиться дипломатического признания СССР Вашингтоном. В этих условиях процесс над британскими специалистами мог иметь для Москвы негативные дипломатические последствия. Самому Сталину пришлось оправдываться, отвечая 20 марта 1933 г. на письмо американского журналиста Ральфа Барнса, обеспокоенного, что арест британцев будет означать начало гонений на иностранцев в Советском Союзе: «Что касается нескольких англичан из «Метро-Виккерс», то они привлечены к ответственности не как англичане, а как люди, нарушившие, по утверждению следственных властей, законы СССР. Разве русские не так же привлечены к ответственности? Я не знаю, какое отношение может иметь это дело к американским гражданам»³⁹.

Дело «Метро-Виккерс» было не первым в серии показательных процессов, на которых в качестве обвиняемых фигурировали представители технической интеллигенции. В 1928 г. прошел суд по «шахтинскому делу». В отличие от процесса «Метро-Виккерс» оно завершилось вынесением не-

---

³⁹ Петров Н. Указ. соч. С. 60.

скольких смертных приговоров. Кстати, тогда в числе обвиняемых были граждане Германии, но их наказали условными сроками и высылкой из СССР. В 1930 г. состоялся процесс Промпартии, участникам которого вменили в вину не только «вредительство», но и подготовку свержения советской власти. Таким образом, дело «Метро-Виккерс» не стало исключением. С одной стороны, власти тем самым продолжили кампанию устрашения советской технической интеллигенции. На пороге эпохи «большого террора» режим укреплял механизмы контроля за сознанием и поведением разных слоев общества – ведь тогда же, в 1932–1933 гг., завершалась коллективизация, Сталин ломал хребет крестьянству. С другой стороны, Москва давала понять Западу: относительно либеральные времена нэпа, когда иностранных специалистов буквально зазывали в СССР поднимать промышленность, подходят к концу. По данным Гордона Моррелла, фирма «Метро-Виккерс» еще заключила в 1936 г. свой последний довольно крупный контракт в Советском Союзе, но потом ее быстро выдавили из страны.

С делом британских инженеров связаны две любопытные детали. Первая – загадка дальнейшей судьбы подсудимых. При работе над своей книгой Гордон Моррелл попытался установить, что стало с ними позднее, после высылки из СССР. И натолкнулся на полное отсутствие каких-либо следов. Историку сказали, что архивы компании были уничтожены во время одной из бомбардировок в годы Второй мировой войны. Вторая деталь – присутствие на московском процессе 1933 г. Яна Флеминга, будущего автора книг о Джеймсе Бонде. Флеминг (тогда ему не было и 25 лет) был отправлен в СССР в качестве корреспондента агентства Reuters – специально для освещения суда над британцами. Ему удалось обойти большинство конкурентов-репортеров с помощью особого трюка: он выбрасывал текст своего репортажа в окно Дома Союзов, где проходил процесс; под окном ждал нанятый мальчишка, который тут же бежал со свертком к телеграфистам. Из Москвы Флеминг вернулся больной, жалуюсь на количество съеденной икры. Добиться интервью со Сталиным или Литвиновым, на что он рассчитывал, ему так и

не удалось. Зато, возможно, московские впечатления пригодились Флемингу много лет спустя, когда он работал над очередным романом о Бонде ⁴⁰.

Мы так подробно остановились на этом «Деле», чтобы показать, как пророчески в своей небольшой повести Платонов предсказал будущее, как тесно были переплетены в советском обществе интерпретации далеких исторических эпох и реалии современного развития.

---

⁴⁰ Подробнее см.: Морелл Г. Британия против сталинской революции. М. : Версия, 1993.

Глава 4

«Кровь и воля»: А. Веселый и А. Чапыгин

Вернемся теперь от шпионских триллеров к исторической прозе. Попыткой своеобразного ответа на вопрос взаимоотношения «структуры» и «хаоса», личности и массы в истории явился в советской исторической романистике роман Артема Веселого (Николай Кочкуров) «Гуляй, Волга!» (1930–1932), появившийся на закате влияния «школы Покровского», но воспринявший ее основные положения. Е. Добренко отмечает: «Для революционной культуры формула «Россия – тюрьма народов» была совершенно живой. Всю эту культуру – от исторических исследований до романов пронизывает «антиимпериалистическая» оценка «собирания русских земель». В литературе наиболее заметным явлением такого рода можно признать роман Артема Веселого «Гуляй, Волга!», в котором поход Ермака изображен в виде разбойничьего гуляния полулюдей-полуживотных, с наслаждением истребляющих «сибирцев»⁴¹ «Школа Покровского» в 20-е гг. резко критически оценивала роль русской литературы, которая, по ее мнению, была пронизана духом империализма – от Лермонтова («Герой нашего времени») до «Хаджи Мурата» Льва Толстого. Но оценка романа А. Веселого в современной автору критике была диаметрально противоположна. Доказательством его популярности служат шесть (!) переизданий

---

⁴¹ Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 61.

романа за 4 года (1932–1936) и более десятка после реабилитации погибшего писателя в 1956 г. Интересно и лирическое послесловие автора к роману, дающее представление о его своеобразном языке и образности.

«Словцо конечное. Вначале книга была задумана, как забава и отдых меж ломовых дел, но в песне сердцу первое слово: приступил к работе, увлекся и – пошла писать... Разин, Пугачев – большая дорога народных движений, Ярмек – глухая тропа. О Разине, Пугачеве, Булавине – горы архивных материалов, исторические же сведения об Ярмеке крайне скудны; так, достоверные известия о сибирских народах того времени можно уписать на пяти страничках, а еще того менее мы знаем о работных людях XVI в. Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбацкой лодке плыл по следам Ярмека – Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом, – кормясь с ружья и сети. За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам под двенадцать тысяч верст. Трудности, как, впрочем, и во всякой честной литературной работе, были огромны – коротко о них не расскажешь, а распространяться нет охоты: кому интересна потная, черновая работа такого дикого, как я, писателя? До последнего времени имел намерение печатать книгу в двух разнословах (по-ученому сказать, варьянтах), а сейчас по немногим, но весьма увесистым причинам, отдумал. Впрочем, кое-что из второго разнослова мною подано в литературных подарках. Вьюга горестных раздумий захватила меня в пути – зазнобила сердце, залепила очи – книга не доработана... Может быть, когда-нибудь падет на меня радостных дней орлиная стая, с новой силой загремит и заблещет перо мое: тогда то на роман и будут положены последние краски и жары... < >

Гуляй-городом в глубокую старину у русских звался военный отряд в походе – с обозами, припасами; у сибирцев – кочевое становище. Позднее гуляй-городом назывались подвижные на катках башенки для приступа к крепостям. Отсюда, в хорошую минуту, родилось и заглавие романа: Гуляй-Волга – русской воли и жесточи, мужества и страданий полноводная река, льющаяся на восток... Знаю: глупец, зачерствевший в зломыслии и ненавистничестве, пустится поносить

меня всяко и лаять на разные корки; полудурье прочтет книгу сию, ухмыльнется и забудет; умный же и чистый сердцем возрадуется крутой радостью и порою перечтет иные строки... Улыбка и уроненная на страницу слеза живого читалы да послужат мне лучшей наградой за этот каторжный и радостный труд!»⁴².

Несмотря на явное влияние Андрея Белого и Бориса Пильняка на язык романа, такой литературный стиль современные филологи называют орнаментальной прозой, история представляется конкретной, чувственно осязаемой жизнью с большим разнообразием красок, со своеобразием XVI в. Но главная мысль автора все же не в любовании казачьей удалью, выраженной в эпиграфе «Отвага мед пьет и кандалы трет», а в ясном понимании, что казацкое завоевание Сибири имеет чисто эксплуататорский характер, а казачья вольница неизбежно является орудием государства, т. е. тех же купцов, царя и ненавистных бояр. И здесь авторская оценка сознательно или бессознательно совпадает с оценкой Покровского. Еще одним заметным явлением в советской исторической прозе стал роман Алексея Чапыгина «Разин Степан» (1924–1927), повествующий о крестьянской войне XVII в. В центр повествования автор поместил своеобразное единоборство начальника Разбойного приказа боярина Киврина со Степаном Разиным, вокруг чего и разворачиваются основные события. Действие переносится в разные места: из Москвы на Дон, затем в низовья Волги, на Урал, в Персию, на Среднее Поволжье и снова в Москву. Эпические сцены сменяются драматическими. Образ Степана Разина представлен в весьма романтическом свете, что вполне способствовало идеологическим установкам «революционаристской школы». Героический ракурс, как нельзя лучше способствовал осуществлению желания Чапыгина показать Разина народным героем: концепция исторической действительности XVII в. связана с действительностью первого послеоктябрьского десятилетия. Главным героем романа Чапыгин сделал разбушевавшуюся

---

⁴² Веселый А. Избранные произведения. М. : ГИХЛ, 1958. С. 310.

народную стихию. Воссоздавая образ Разина, Чапыгин опирается в значительной степени на народную традицию. В песнях и преданиях Разин подан легендарным героем, его личность романтизирована, он обладает огромной физической силой, одет Разин в красивые дорогие одежды. Не случайно в романе Чапыгина много места отведено персидским походам Разина, ибо они давали яркий экзотический материал. Но общий колорит эпохи как бы контрастирует с романтической трактовкой образа героя. Вот как показывает автор Москву середины XVII в.

«В конце лета сумрак густел, часто перепадали дожди. Оттого по кривым и черным улицам полз туман. Местами улицы выстланы тесаными бревнами, отпотевшими и скользкими, словно в черном мыле... Изредка чернели фигуры стрельцов, осторожно двигаясь на смену караула в Кремль с бердышами на плече.

– Дьявол, а не путь! Сколь раз в море бывал, а тут слеп; ужель не попаду? – ворчал человек в бараньей шапке, в длиннополом казацком жупане и шагал со звоном подков, иногда скользил, спотыкаясь о дерево. – Сатана! – Он наткнулся на поперечное бревно-колоду, загородившее улицу.

– Ты, сволочь, должно, в Земском приказе не был? – окликнул человека сторож.

– Ваших порядков московитских не ведаю, вот дырье в башке умею сверлить! – Сверкнул пистолет.

Сторож отшатнулся, а человек, согнув широкую спину, пролез под колоду, выпрямился и спешно пошел дальше.

Напуганный пистолетом сторож опомнился, крикнул:

– Черт! Чтоб те ноги, ребра изломили...

Подошел другой:

– Ты пошто пропустил?

– Да вишь, шиши со Пскова по Москве бродят, должно, воровской казак – с пистолем, и сабля.

– Ой, ты! Сговорился бы: кого ежели ограбит, чтоб доля нам.

– Спужал, трясца его бей! Глаза горят, как у волка.

– Эх ты, баба столетняя!

Посредине обширной площади, на толстом столбе с образом мигал огонь негасимой лампы сквозь слюду, вставленную в узорчатую раму. У столба недалеко чернели две фигуры караульных стрельцов. Опершись на обухи бердышей, стрельцы, видимо, дремали под монотонный жалобный голос, исходивший от земли:

– Ой, батюшки! Могильные черви точат мою грудь, и губят за что меня судьи неправильные?! Да, ведь, муж-от мой аспид был! Под ногти мне тыкал иглы каленые... Волосьев половину выщипал. Сам порченой, без гашника, и жонку ему оттого не надобно, оттого и мучитель был!..

– Ага! – Человек в казацкой одежде глянул по земле, увидел зарытую по плечи женщину с растрепанными волосами.

От звука шагов один стрелец поднял голову:

– Эй ты, человече!

Он повернул бердыш топором к земле и крепко взялся за рукоятку.

– Кой бес тебя несет сюда?! – крикнул второй.

– Свой я вам! Чего бьете сполох?

– Есть вас своих!

– Свой, соколы! Выпить вам тащу.

Человек, сдвинув баранью шапку на затылок, вытащил из-за пазухи глиняную посудину.

– Оно не худо пить, только, мотри, не отравное?

– Пошто мне вас изводить?

Стрелец приложился к горлышку посуды; другой, жадно причмокнув, сказал:

– Оставь, не все тяни!

– Ух, пей, брат! Не на кружечном, без уловной деньги.

– Ой, тошнешенько-о! Не видать младеньке боле ясно солнышка-а... калена-бела месяца-а!

– Убила мужа, дак молчи, чертова жонка!- крикнул стрелец.

Человек в казацкой одежде сказал:

– Други, а може, муж стоял того?

Выпивая, стрельцы рассуждали:

– И как ты, детинушка, не боишься ходить?

– Молодой, вишь, да зубастой!

– У нас на вольном Дону никого не боятся.

– Мы от дедов стрельцы, да того...

– Бойтесь?

– Не так чтобы...

– Ино не на вас ли, братья-соколы, бояре воду возят?

– Ужо время приспееет – тряхнем бояр...

– До поры в терпенье!..

– Ой, а долга ли та пора?

– При-и-дет!

– Мы и нынче ни черта не боимся!

– Не бойтесь?

– Не...
 Один из стрельцов ударил себя кулаком в грудь.
 – Глянь на меня, вольной детина – вот я, не боюсь ни сатаны, ни патриарха, ни бояр...
 – Ой ли?
 – Вот бог – и хрест!
 – Ну, брат-сокол, хвалишься!
 – Не хвалюсь, башка!
 – А чем докажешь зарок?
 – Чем хошь!
 Стрельцы захмелели.
 – Не боитесь, так отроем эту жонку, в кабаке сведем, сами выпьем и ее обогреем.
 – А, пропади все, отроем!
 – Нет, то, детина, не ладно! Какие же мы сторожи?
 – Вот, братья-соколы, и не боитесь, а трусите!
 – Нет, тут честь стрелецкая горит!
 – Что тут горит? К жонке в сторожи приставили! Честь!
 – А и то правда, отроем!
 – Сами куды?
 – В кабак!
 – Откопаем жонку!
 – А чем?
 – Эво! Бердыши в руках, да я саблей подмогу.
 – Мочно!
 – Рой!
 Подошли, отрыли женщину и за руки выволокли из ямы.
 – Ена, парень, нагая?
 – Ништо! Обряжу в жупан, сам пройду в зипуне. Держи одежду, жонка!
 – Голова у детины, хошь в попы ставь!
 – А жонка-т с икрой!
 – Грудастая...
 – Э-эй, черти-и!
 Голос зычно плыл по площади!
 – Ой, мать твою перекасти поле – пятидесятник!
 – Батоги нам!
 – Кнут! Чего делать, в обрат копать жонку? Увидит.
 – Не копать, соколы: вы жонку пасите, я с боярскими детьми хорошо лажу.
 – Иди, детинушка, веди сговор, угомони черта!
 – Э-эй, стрельцы!..

В ответ шаги и голос:

- Тут я!
- Ты тут, драный козел, твою перепечу! А где другая сволочь?
- На месте стоит!
- А ты, щучий сын, пошто без бердыша, пошто не в суммане?
- Сабля при бедре, зипун на плечах!
- Вон ты что-о?!.. Эй, стра-жа-а!..

В сумраке сверкнуло лезвие сабли. Слово «стража-а» не окончено. Тело начальника осело к земле и распалось на два куска.

Детина вернулся к стрельцам.

– Куды он делся?- спросил один.

Другой засопел и громко, как бы про себя, сказал:

–Так-то не ладно!

– Чего не ладно?

– Начальника посек! Понял? Мы в разбое...

Другой, еще более хмельной стрелец захихикал, закашлялся, потом отдышался, сказал:

– Начали сечь – туды ему, сатане, и дорога! Дай посекем в куски?..

Приволокли подтекающее кровью половинчатое тело начальника к огоньку образа.

– Матерый, черт! И как ты его, вольной, мазнул? Не всяк мочен такое...

– Одежу вниз! Секите его на куски, да в яму замест жонки – и в кабак.

– Вот те хрест, в попы тебя, казак, – голова-а!

– Дальше попа не видал? Я, може, в патриархи гляжу!

– Хо-хо-хо. Сатана-а!

– В па-три-архи-и?!

Языки и руки стрельцов худо слушались. Казак, как говорил, сделал все. – Пошли.

Сторожа на росстанях улиц снимали перед ними бревна-колоды. В иных местах отпирали решетчатые ворота, спрашивали:

– Куды, служилые?

– Воров в Земской приказ!

– Мы сами воры-ы!

– Чого рот открыл до дна утробы? Тише-е!

– Начальника-то, а-а? Кровь на тебе, и я в кровях...

Казак остановился:

– Вам, братья-соколы, дорога на Дон, утечете: на Дону много вольных сошлось, там рука боярская коротка.

– А ты?..

– Я оттудова и туды приду!

– Врешь!
– Давай, Дема, поволокем его с жонкой в Разбойной?
– В Разбойной? Пойдем! Руки, вишь, у меня в крови...
– Вот вам еще водки! Пейте, загодя спать, а утром знать будете, что делать.

– Водку? Давай!
– Дуйте из горлышка!

Падая и подымаясь, с лицами, замаранными кровью, стрельцы пошли вдоль улицы. Казак потянул одетую в жупан женщину в переулок, выглянул из-за угла. Стрельцы про них забыли, – шли, падали и, поднимая один другого, шли дальше.

– Веди, жонка! Спасайся от могилы! – плотнее запахивая женщину в жупан, сказал казак.

Женщина дрожала, едва держалась на голых ногах, черных от грязи и холода. Сверкнули белым жестяные главы многочисленных церквей. Где-то зазвонили. Загалдел народ; на ближайших рынках, словно на пожаре, заспорили и закричали женщины, торгуя холст и нитки. Берестовые и тесовые крыши на неопрятных домишках все яснее и пестрее выделялись.

– Будь крепче! Идем, кабаки отперли.
– Иду, голубь-голубой... Иду, а тяжело идти...»⁴³.

Идеализация народного бунта, оправдание его, точно ложились в рамки понимания разинского восстания, как «крестьянской войны» (определение Покровского). Кстати, эпизод с закопанной за убийство мужа женщиной заимствует впоследствии у Чапыгина А. Толстой в «Петре I». В диалогах романа совершенно отсутствует стиль орнаментальной прозы. Это явно язык неореалистической школы Шмелева, Бунина и особенно раннего Горького. Недаром Горький назвал роман Чапыгина «колоссальным», а в письме к автору признавался: «Мне так хочется сказать, что очень люблю и высоко ценю Вас, мастера литературы, для которого искусство всегда было выше всяких выгод и удобств, люблю за Вашу любовь к литературе, за северное сияние Вашего таланта»⁴⁴.

---

⁴³ Чапыгин А. Разин Степан. М., 1989. С. 6–9.

⁴⁴ Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 487.

Глава 5

Свои и чужие: А. М. Горький и Д. С. Мережковский

На I съезде Советских писателей (1934) Горький широкожестово заявил о создании в СССР «подлинного и высокохудожественного исторического романа», имея в виду книги Ю. Н. Тынянова «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» и противопоставляя их романам Д. С. Мережковского («Александр I» и «14 декабря») и очеркам Г. Чулкова («Мятежники 1825 г.»):

«Тынянов написал книгу, которая гасит всю бессильную болтовню не только одного Мережковского»⁴⁵. Несколько позже к этой оценке присоединился и известный европейский философ-марксист Дьердь (Георг) Лукач:

«Возьмите, например, Мережковского – типичного декадента империалистического периода. Исторический роман служит ему средством для пропаганды реакционной демагогии и злобной антинародности. Но если вы ближе присмотритесь к фальшивому глубокомыслию его романов, то под мистическим туманом вы обнаружите грубейшие натуралистические черты. Мережковский описывает приступ ярости, охватывающей Алексея: “Искривленное судорогой, бледное, с горящими глазами лицо Алексея вдруг стало похоже мгновенным, страшным и точно нездешним, призрачным сходством на лицо Петра. Это был один из тех припадков ярости, которые иногда овладевали царевичем, и во время которых

---

⁴⁵ Литературная газета. 1957. № 107. 5 сент.

он способен был на злодейство". В этом отрывке читатель легко узнает литературно опошленную, мистически извращенную карикатуру на ту катастрофически взрывающуюся наследственность, которую изображал и которой придавал такое преувеличенное значение Эмиль Золя»⁴⁶.

Таким образом, Д. С. Мережковский – один из наиболее значительных представителей философско-идеалистического направления в европейской литературе XX в. и нобелевский номинант (премию, как известно, получил другой русский писатель-эмигрант И. А. Бунин. – *Прим. авт.*) оказался окончательно выброшенным из советского культурного пространства. Появление же в разгар «большого террора» работы Лукача «Исторический роман» уложило «социальное задание» для исторической литературы в «прокрустово ложе» ортодоксальной теории. Что же требовалось от «художественного изложения исторических событий» в «реконструктивный период»?

Предоставим слово Лукачу: «...художественная практика исторического романа почти не зависит от непосредственного влияния исторической науки (!). Конечно, такое влияние имеется... но <оно> ... является частью общего идеологического развития, вызванного коренным изменением всей социальной обстановки... Это относится и к писателям и к читателям... Определенное отношение к социализму вырабатывается не столько теоретически, сколько напряженной и живой борьбой, возникающей вокруг задач, которые ставит сама жизнь. Это тем важнее подчеркнуть, что здесь ошибаются многие из «левых» социал-демократов и анархистских путаников (эту путаницу превращают в сознательный вредительский прием троцкистские бандиты)... Социалистическая действительность Советского Союза... служит одним из доказательств того, насколько всемирно-исторические условия подготовлены для торжества социализма... В некоторых романах историческая тема – это лишь тонкий покров, за кото-

---

⁴⁶ Лукач Г. Исторический роман // Литературный критик. 1938. № 8. С. 12.

рым легко разглядеть убийственно сатирический образ гитлеровского режима («Лже-Нерон» Фейхтвангера)...⁴⁷

Автор – венгерский революционер и философ, прошедший извилистый идейный путь, от коммунистического интернационализма к «либеральному марксизму» анализирует в работе в основном произведения французских левых писателей и немецких эмигрантов – антифашистов. В СССР произведения Г. Манна, Л. Фейхтвангера, Р. Роллана и других широко издавались на протяжении 20–80-х гг. прошлого века и, несомненно, оказали значительное воздействие на формирование исторического мировоззрения советских читателей. Например, рапповская «Краткая литературная энциклопедия» так охарактеризовала Г. Манна: «Представитель сходящей со сцены при господстве монополистического капитализма старой торговой буржуазии, в своем процессе деградации смыкающейся с паразитической буржуазией эпохи загнивающего капитализма...»⁴⁸.

То есть и эти писатели, с точки зрения ортодоксального марксизма-ленинизма имели ряд недостатков: «Остановимся... на чрезвычайно важном вопросе – о богатстве вымысла, о способности писателя свободно располагать историческими фактами, характерами и положениями, не только оставаясь при этом верным исторической правде, но добиваясь яркого выявления специфических черт, особо характерных для изображаемой исторической эпохи... Дело в том, что Генрих Манн, Фейхтвангер и другие изображают судьбы народов, но не исходят из народной жизни как главного содержания и единственной основы истории. Вальтер Скотт и другие классики исторического романа... в смысле исторического чувства, конкретного и живого восприятия истории... были гораздо ближе к действительно народной жизни... Почти все герои Вальтера Скотта, Пушкина, Льва Толстого принадлежат к высшим общественным слоям, – и все же в событиях их жизни отражаются жизнь и судьба народа. Это противоречие должно быть рассмотрено конкретнее в применении к исто-

---

⁴⁷ Лукач Г. Указ. соч. С. 15.

⁴⁸ КЛЭ. М., 1932. С. 770.

рическому роману и роману вообще... Что нужно для исторического романа? Первая его задача – изобразить такие индивидуальные судьбы, в которых важнейшие вопросы эпохи нашли бы себе непосредственное и в то же время типичное выражение... Но решающий вопрос для искусства – это... вопрос о том, связано ли содержание этих судеб с большими типичными вопросами народной жизни или же нет... Как пример возьмем «Евгения Онегина»... здесь действие происходит в общественных «верхах». Но Белинский правильно назвал стихотворный роман Пушкина «энциклопедией русской жизни»... После этого разъяснения можно понять, против чего направлен наш упрек, когда мы говорим, что современный роман не изображает историю «снизу»... потому что и Скотт, и Толстой изображали людей, личная судьба которых тесно связана с их исторической судьбой... Если автору исторического романа удастся создать силой своего воображения таких людей, он способен изобразить историю «снизу». И великие исторические фигуры будут у него, как и у классиков, служить для общественно-исторического и художественно-типического обобщения тех. явлений, которые мы непосредственно воспринимаем... При этом историческим героям, как и в классическом романе, будет принадлежать эпизодическая роль; но такие эпизодические фигуры – необходимая и важная часть композиции, дающая завершение всей исторической картине...» ⁴⁹.

Продолжая разговор о роли исторических личностей, Лукач приводит в пример изображение фигуры М. И. Кутузова в «Войне и мире»: «Лев Толстой обобщает отношение русского народа к Отечественной войне 1812 г. в фигуре Кутузова... Кутузов в композиции «Войны и мира» – эпизодическая фигура... но <она>... выполняет роль посредника между «верхами» и «низами», между стихийной реакцией на события и наибольшим, возможным в этих условиях, обобщением... Когда писатель вымышляет фабулу, которая верно передает эти пропорции, историческая правда в его изображе-

---

⁴⁹ Лукач Г. Указ. соч. С. 76.

нии получает человеческую и поэтическую жизнь...»⁵⁰. Анализируя трилогию Л. Фейхтвангера о древнееврейском историке Иосифе Флавии («Иудейская война», «Сыновья», «Настанет день»), критик отрицательно оценивает исторические концепции трилогии, повествующей о трагедии еврейского народа, о разрушении Иерусалима и еврейской государственности, потому что: «...эта драма, переживаемая в действительности всем народом, разыгрывается в романе почти исключительно в общественных «верхах»... Народ здесь в точном смысле слова, только объект действий, исходящих «сверху»... он видит в нем только орду слепых фанатиков, которые бесцельно терзают друг друга... «Наверху» – утонченная месть и запутанные интриги; «внизу» – хаос и дикие вспышки страстей... в этом серьезном недостатке исторического изображения у Фейхтвангера проявляются пережитки все той же либеральной идеологии. Это и есть источник преувеличенного уважения к «реальной политике», тонкой дипломатии и разумным компромиссам...»⁵¹. Далее Лукач вообще скатывается к вульгарному социологизму: «...Экономические категории еще не превратились для Фейхтвангера из абстрактных понятий в конкретную основу человеческой жизни... Жизнь «низов»... мало интересует писателя, как реальная движущая сила всех событий...». Для марксиста, такие новые концепции человеческой истории, как «массовая» и «этническая» психология – всего лишь «псевдонаука»⁵². В качестве противовеса «буржуазно-демократической литературе» Лукач использует... биографию К. Маркса и работы В. И. Ленина, который, как известно, исторических романов не сочинял и тогда его примеры вообще приобретают анекдотический характер: «...Биограф обязан проследить весь путь, пройденный гениальной мыслью Маркса... В оригинальном контексте – в письмах Маркса или в его сочинениях – те же мысли не только обладают большей содержательностью, но и больше пере-

---

⁵⁰ Лукач Г. Указ. соч. С. 105.

⁵¹ Там же. С. 98.

⁵² Там же. С. 102.

дают индивидуальный характер Маркса, чем художественная обработка...»⁵³.

Следует, однако, признать, что в этом конкретном примере автор оказывается прав, если вспомнить скучнейшие романы трилогии «Прометей» Г. Серебряковой («Юность Маркса», 1934–1935, «Похищение огня», 1961, «Вершины жизни», 1963, вполне возможно, что с первым из них Лукач был знаком). Но далее рассуждения критика, вообще попадающие под современный термин «offtop», непонятно, какое отношение к проблеме «художественного отображения истории» имеет следующий пассаж: «Можно себе представить противоположный и прекрасный пример – это “Государство и революция” Ленина, где приведены те же цитаты из Маркса... Но читатель его гениального произведения находится под сильнейшим впечатлением от личности Маркса, мыслителя и политика... потому, что Ленин... суммирует в своем теоретически блестящем, пронизательном и популярно изложенном труде все проблемы и точки зрения, порожденные революциями XIX века... В таком, и только в таком, изображении создается образ Маркса как личности, потому что его индивидуальность неотделима от его научно-политической деятельности...»⁵⁴.

Приводя такие обширные цитаты из ныне почти забытой работы, мы пытаемся показать, какими канонами революционной теории, руководствовалось советское государство, используя художественные произведения, и исторический роман в частности, как орудие для воспитания «нового советского человека». Но один из выводов Лукача неожиданно оборачивается против самого автора: «Теоретическая канонизация художественной практики не принесет пользы ни теории, ни практике...» В 1940 г. это косвенно признала и власть. Лукач и его идейный соратник, философ М. Лифшиц попали под разгромное Постановление ЦК, а журнал «Литературный критик» был закрыт.

---

⁵³ Лукач Г. Указ. соч. С. 112.

⁵⁴ Там же. С. 116.

Глава 6

«Я начинаю там, где кончается документ»: Ю. Н. Тынянов

1925 г. стал, в некотором смысле «определяющим» именно для выбора путей в советской исторической романистике. Близилась 100-летняя годовщина восстания декабристов и в юбилейном сборнике 1925 г. появилась статья Покровского «Нужно ли праздновать юбилей декабристов?» Далее он сам же себе и отвечает: «Праздновать нужно». Отношение к декабристам служило и служит до сих пор предметом научных споров и околонучных трактовок, своеобразным индикатором: «Революционеры или предатели-дворяне?» Всплеск публикаций к столетию восстания привел к появлению не только научных трудов, но и к другим событиям в культуре и иных сферах деятельности. В 1925 г. Сенатская площадь в Санкт-Петербурге получила название – площадь Декабристов (название существовало до 2008 г., когда вновь была переименована в Сенатскую). В Иркутске – городе проживания многих видных сосланных участников восстания, одну из площадей также называли именем декабристов. В это же время в Иркутском музее революции начала формироваться экспозиция, посвященная декабристам, положившая начало Иркутскому музею декабристов, который в 2000 г. получил статус самостоятельного государственного учреждения культуры.

В исторической прозе появилось два произведения, посвященных «людям 14-го декабря». Это книга очерков «Мятежники 1825 года» писателя – символиста Георгия Чулкова (содержавшая восемь очерков, посвященных деятелям де-

кабристского движения) и повесть Юрия Тынянова «Кюхля». Чулков, следуя за философско-психологической парадигмой символистской эстетики, рассматривал декабристов, как определенный психологический тип «беспочвенных людей... духовных скитальцев, понятия не имевших о России и утративших связь с органическою целиной жизни»⁵⁵. Естественно, это была попытка продолжить жанр психологического портрета, намеченный Ключевским, но она резко контрастировала с известным определением Ленина: «декабристы разбудили Герцена» и т. д.

Неудивительно, что очерки сразу попали под огонь зубодробительной критики не только деятелей РАПП, но и историков-марксистов. Сейчас же, по прошествии почти столетия, следует признать, что Чулков явно предвосхитил новые пути в изучении роли личности в истории, именно «Мятежники 1825 года», а затем очерки «Императоры» (1928) прямо соотносятся с характеристикой замечательного французского историка, героя антифашистского Сопротивления Марка Блока, который писал: «...на протяжении долгих лет решающим фактором в истории признавалось влияние коллективных сил, а также многовековой закономерности развития... и наконец, личность реабилитирована – в центре событий снов человек, единственное существо из плоти и крови...»⁵⁶.

К сожалению, работа Чулкова не получила широкой известности, тогда как повесть Ю. Тынянова, заслуженно стала классикой советского исторического романа. По утверждению К. И. Чуковского, «Кюхля» был задуман, как «роман для юношества»: «Я заказал ему (Тынянову. – *Прим. авт.*) роман... основывая детский отдел в «Кубуче» (Комитет по улучшению быта ученых. – *Прим. авт.*). Ему очень нужны были деньги. Он принес прелестную программу – я сказал ему, что если роман будет даже в десять раз хуже программы, так и то это будет отличный роман»⁵⁷. Так недавний студент и скромный корректор Госиздата стал известным писателем. В «Дневни-

---

⁵⁵ Чулков Г. Мятежники 1825 года. М.: ГИХЛ, 1925. С. 18, 68, 73.

⁵⁶ Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. С. 19.

⁵⁷ Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1997. С. 326.

ке» Чуковского есть и такой эпизод: «Мы заговорили о «Кюхле», и я сказал ему, как анекдот, что мне за редактуру... предложили 300 рублей, и что я, конечно, отказался, но считаю, что эти триста рублей должны быть отданы <Тынянову>. Он сказал: «О нет! Я думаю, что вы и в самом деле должны получить эти деньги. Ведь вы основательно проредактировали «Кюхлю»... Мне почему-то его слова причинили боль: брать деньги с любимого писателя за то, что прочитал его работу и сделал... несколько замечаний! И я разревелся, как последний дурак...»⁵⁸. Чем же привлек небольшой текст внимание серьезного читателя? Возрожденный из небытия поэт, литературовед (именно так!), революционер Вильгельм Кюхельбекер был известен лишь тем, что лицейские друзья (Пушкин, Пущин, Дельвиг) смеялись над его стихами. Тынянов, практически заново открыл Кюхельбекера широкому читателю. Имея серьезную подготовку, теоретическую и профессиональную – историк литературы, ученик великих филологов Шахматова, Венгерова, Бодуэна де Куртенэ, теоретик литературных стилей и жанров, один из основателей знаменитого ОПОЯЗа (общества по изучению языка), оказавшего в лице Р. Jakobsona и В. Шкловского колоссальное влияние на всю мировую гуманитарную науку (начало структурной лингвистики), Тынянов – один из ярчайших представителей нового поколения русской науки и культуры, выдвинувшегося в XX в. Но волею судеб, он и многие из его современников не смогли ужиться (или просто выжить!) в реалиях 30-х, сохраняя верность науке и своим идеалам.

Однако, возвращаясь к материалу «Кюхли», а за ним последовала и пьеса «14-е декабря», мы должны отметить, что концепции Покровского получили в прозе Тынянова блестящую художественную иллюстрацию. Это и целый ряд эпизодов, хорошо иллюстрирующих и тезисы ленинской статьи «Памяти Герцена»: «...страшно далеки они от народа» и антиимпериалистический пафос, направленный против российского самодержавия. Вот как изображена в «Кюхле» (рас-

---

⁵⁸ Чуковский К. Дневник 1901–1929. С. 383.

сказывается о службе героя на Кавказе) политика императорского наместника, героя Отечественной войны 1812 г. генерала А. П. Ермолова:

«...он не только словами смиряет, но и вправду вешает и жжет... здесь на прошлой неделе громкое дело было. Князь Койхосро-Гуриэл полковника Пузыревского убил. Старик <Ермолов> написал указ: не оставить камня на камне. И не оставили. И всех в селении вырезали... что ж делать – по законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но... он в Азии, здесь каждый ребенок хватается за нож... Вильгельм обратил внимание на кучу полуголых мальчиков лет двенадцати-пятнадцати. Одни играли, гонялись друг за другом с гортанным воплем. Другие понуро сидели и степенно о чем-то разговаривали.

– Кто это? – спросил Вильгельм.

– Это аманаты, заложники. У нас здесь так водится – отбирать аманатами детей, все дети лучших фамилий.

– Детей аманатами?

– Война, – усмехнулся невесело Грибоедов. – Старик раз захватил чеченцев – лучших пленниц выдал за имеретин, а прочих продал в горы по рублю за штуку».

Эти слова автор вкладывает в уста своего любимого персонажа и героя лучшего своего романа «Смерть Вазира-Мухтара» Александра Сергеевича Грибоедова. О «Вазир-Мухтаре» далее.

Но вот одна из самых сильных сцен «Кюхли» – смерть Джамбота, рисует Ермолова совсем с другой стороны.

«Однажды Вильгельм и Александр услышали на улице необычайный шум. Они выглянули в окно. Люди бежали к крепости. Грибоедов спросил:

– Что такое случилось?

– Джамбот, – крикнул ему пробежавший армянин. – Джамбот приехал, – оскалил зубы другой.

Грибоедов молча и серьезно стал застегиваться.

– Пойдем поскорее, – сказал он Вильгельму, – будет серьезное дело.

Кучук Джанхотов был самый богатый владелец от Чечни до Абахезов... большой дипломат, он вовсе не хотел рисковать скотом и пастбищами. Поэтому он был в дружбе с Ермоловым... Кучук от-

лично помнил, как Ермолов преспокойно угнал пятнадцать тысяч голов скота из соседнего аула за то, что тот пропустил закубанцев (так в романе называют кабардинцев и других жителей горных областей Северного Кавказа. – *Прим. авт.*). Поэтому он и сына своего Джамбулата всячески старался приблизить к Ермолову. Джамбулат, или, как все черкесы его звали, Джамбот, был его единственным наследником. Но Джамбот был из другого теста. Он, правда, был у Ермолова в персидском его посольстве, но повел себя с персами так таинственно, у них завязались какие-то такие переговоры, что Ермолов его из Персии должен был выслать. И когда закубанцы снова вторглись, Джамбот оказался одним из их главарей... Он был знаменит по всей Чечне, по всей Абхазии. На скаку он попадал в орла и шашкой срубал голову молодому быку. Слава Джамбота росла... С тех пор как закубанцы были разбиты, Джамбот жил у отца.

Ермолов уже с неделю послал Кучуку очень ласковое письмо, в котором просил самого Кучука с Джамботом, сыном его, приехать к нему для переговоров... причем обещал мир Кучуку... Кучук и Джамбот ехали медленно. На старике была огромная белая чалма – он был в Мекке и Медине... Джамбот ехал рядом с отцом. Одет он был великолепно: цветная тишла покрывала его панцирь, сбоку – кинжал и шашка, седло богатое, за спиною был колчан со стрелами... Лицо Джамбота было длинное, узкое, почти девичье, глаза живые, коричневые. Он ехал легко и лениво... Ермолов стоял у крыльца со свитой. Лицо его было насуплено. Перед ним стоял толмач, направо выстроилась рота крепостных солдат. Завидев Кучука и Джамбота, Ермолов сделал шаг вперед и остановился...

– Скажи ему, – сказал он толмачу, – мне приятно видеть сына моего друга, Кучука Джанхотова, но мне приятнее было бы его видеть у себя два месяца назад, когда он был у закубанцев.

Толмач перевел. Джамбот что-то сказал, легко и быстро, как все, что он делал.

– Он говорит, – сказал толмач, – что надеется на дружелюбие генерала.

Ермолов насупился.

– Очень рад раскаянью, – сказал он глуховатым голосом, – но за старое должен расчесться. Пусть отдаст кинжал и шашку.

Толмач задрожал мелкой дрожью и еле слышно сказал что-то.

Джамбот сделал полшага вперед. Шея его вытянулась, тело подалось вперед. Лицо медленно и густо начало краснеть... Потом вдруг одним движением он задвинул кинжал и крикнул, вытянув худую руку по направлению к кавказским предгорьям...

– Переводи, – рывкнул Ермолов, и ноздри его раздулись. – Все переводи.

– Он называет ваше превосходительство, – бормотал толмач, – шакалом и трусом, он говорит о подлости вашего превосходительства.

Джамбот кричал:

– Взгляни – на горы, вспомни, что это те самые места, на которых в прах растерли наши предки Надир-шаха. А Надир-шах – это не ты, шакал, это не ты, собака!

Толмач переводил, запинаясь.

– Это не русская погань, трусы, поджигатели! – кричал Джамбот. – Кто трусливее, тот начальник у вас, кто подлее – паша. Самый большой трус и самый подлый человек – ваш слабосильный повелитель. Мы вас столкнем с гор, как засохшую грязь.

Толмач перевел кое-как, бормоча, пропуская слова.

Ермолов молчал, насупясь. Вдруг он кивнул ротному командиру. Тот отделился от роты и вытянулся во фронт.

– За оскорбление публичное верховной власти, – сказал Ермолов, – застрелить.

Пять солдат со штыками вперед двинулись на Джамбота.

У ворот кто-то закричал пронзительно. Вильгельм взвизгнул. ...Он бросился между Джамботом и солдатами. Он поднял руку вверх и что-то закричал не своим, чужим голосом.

Тогда Ермолов, вдруг ошетинаясь, шагнул к нему, схватил его за руку и просипел в лицо:

– Вы с ума сошли. Прочь отсюда.

Он обхватил огромной ладонью руку Вильгельма и быстро повлек за собой на крыльцо... и сказал, отчеканивая слова...

– Господин Кюхельбекер подвержен нервическим припадкам.

Во дворе раздался залп.

Грибоедов, белый как мел, с трясущейся челюстью, обнимал старика. Старик был почти спокоен. Голова его свесилась на грудь, он что-то шептал беззвучно, может быть молился.

В углу двора копошились солдаты. Перед крепостью не было ни одного человека»⁵⁹.

Рисуя в повести, жизнь Кюхельбекера как непрерывное скитальчество, Тынянов ничего не измышляет. Ведь и после восстания Кюхельбекера без конца перевозили из крепости в

---

⁵⁹ Тынянов Ю. Н. Кюхля // Собр. соч. М. : Худлит, 1959. Т. 1. С. 121, 136–142.

крепость, вынужденное скитальчество станет характерной особенностью его жизни. Так, Тынянов соотносит судьбу Кюхельбекера не с таинственно-мистической «почвой», а с реальной историей. Герой Тынянова – человек, не игравший в движении первостепенной роли, вступивший в тайное общество накануне восстания. Но история забытого поэта позволила автору создать яркую картину всего декабристского движения. Именно в этом человеке, которого непрестанно преследовали неудачи – вплоть до декабря 1825 г., когда он (конечно же, безрезультатно) стрелял в великого князя Михаила Павловича и в генерала Воинова, – воплотились весьма характерные черты идейного, духовного, психологического облика людей, поднявших восстание. То есть образ Кюхельбекера в повести, как ни парадоксально, совпадает с психологическими эскизами Чулкова, отметившего: «беспочвенность» декабристов и утверждавшего, что именно Кюхельбекер был «их страшноватым зеркалом»⁶⁰. Забежим немного вперед и вспомним, что говорит о своих бывших друзьях, получивший «Очистительный аттестат» после нескольких месяцев крепости, теперь статский советник и автор уже написанной (но не поставленной и ненапечатанной) пьесы «Горе от ума» Грибоедов в диалоге со ссыльным декабристом полковником Бурцевым. Напомним, что речь идет о проекте Грибоедова (так и не осуществленном) создания Кавказской компании, по образцу английской Ост-Индийской:

«Итак, – сказал Бурцев – нам нужно говорить с вами о проекте вашем... Я ночь напролет его читал и ничего более завлекательного по этой части, верно, уж не прочту... Идея компании торговой – поэма чудесная. Это новое государство, перед которым нынешняя Грузия – простая арба. Превосходно и завлекательно. Так он говорил, должно быть, с Пестелем.

– Ваше мнение?

– Отрицательное, – сказал Бурцев.

– В вашем проекте все есть. Одного недостает. Людей.

---

⁶⁰ Чулков Г. Мятежники 1825 года. М. : ГИХЛ, 1925. С. 92.

– Ах, вы об этом, – зевнул Грибоедов, мы достанем людей, дело не в этом.

– Вот, – сказал торжественно Бурцов, – ваша правда: дело не в этом. При упадке цен на имения вы крестьян в России даром купите.

– А о людях для управления, так они найдутся. Есть еще честные люди.

– Мало. Но хорошо, – сказал Бурцов, – что же из вашего государства получится? Куда приведет оно? К аристократии богатства, к новым порабощениям? Вы о цели думали?

– А вы, – закинул уже ногу на ногу и развалился Грибоедов, – вы в чертеже своем – не стеклянном, другом – вы о цели думали? Хотите, скажу вам, что у вас получилось бы.

– Что? – вдруг остановился Бурцов.

– То же, что и сейчас. Из-за мест свалка бы началась, из-за проектов. Павел Иванович Пестель Сибирь бы взял, благо там батюшка его сидел. И наворотил бы. И отделился бы. И войной противу вас пошел бы.

– Я прошу вас, я покорнейше прошу вас, – у Бурцева запрыгала губа. У меня есть еще прямая честь. Я о мертвом враге своем говорить не стану.

– Ага, – протянул Грибоедов с удовольствием, – ну а Кондратий Федорович был человек превосходный... человек восторженный... Кондратий Федорович, вкупе с вами, мужика бы непременно освободил, литературою управлял бы...

– Бурцов захохотал. Он ткнул пальцем почти в грудь Грибоедову.

– Вот, – сказал он хрипло. – Договорились. Вот. А вы крестьян российских сюда бы нагнали, как скот, как негров, как преступников. На нездоровые места, из которых жители бегут в горы от жаров. Где ваши растения колониальные произрастают. Кош-шениль ваша. В скот, в рабов, в преступников мужиков русских обратить хотите. Не позволю! Отвратительно! Стыдитесь! Тысячами – в яму! С детьми! С женщинами! И это вы «Горе от ума» создали!

Грибоедов тоже встал – А я не договорил, – сказал он почти спокойно. – Вы бы как мужика освободили? Вы бы хлопотали, а деньги бы плыли. Деньги бы плыли, – говорил он, любясь на еще ходящие губы Бурцева, который не слушал его. – И сказали бы вы бедному мужику российскому: младшие братья... временно, только временно, не угодно ли вам на барщине поработать? И Кондратий Федорович это называл бы не крепостным уже состоянием, но добровольною обязанностью крестьянского сословия. И, верно, гимн бы написал.

Тогда Бурцов ошетинился, лицо его почернело. Он стал подходить к Грибоедову.

– По той причине, что вы новую аристокрацию денежную создать хотите, что тысячи погибнут, – я буду всемерно проект ваш губить.

– Грибоедов вышел...

– Негры... в яму... с детьми...»⁶¹.

В образах Кюхельбекера и Бурцева, Тынянов стремится раскрыть сильные и слабые стороны декабризма, поэтому он проводит героев сквозь череду значительных событий русской жизни, даже таких, участником которых те быть не могли, и творческая сила изобразительности автора явно пробиивает стенку теоретических построений «школы Покровского». То же самое можно сказать и об очерках Чулкова, но у Тынянова, Кюхельбекер революционер-идеалист, а у Чулкова, психически неуравновешенный человек (что, вообще говоря, не столько противоречит друг другу, сколько совпадает). Сравнение этих подходов, по выражению французского историка Жака Ле Гоффа: «может стать идеальной обсерваторией для конструктивного размышления об условиях и целях профессии историка, о пределах возможного, существующих в этой профессии, о переоценке ценностей, необходимость которой назрела...»⁶².

Для творца исторического произведения важно уметь перевоплощаться в своих героев, проникнуться их сознанием, овладеть их языком и вместе с тем не утратить связь со своим временем, не поддаваться соблазнам поверхностных аллюзий, они вообще противопоказаны любому искусству. Связь прошлого с настоящим истинный художник осуществляет в формах более тонких и действенных.

На последних страницах произведения умирающий Кюхельбекер показывает на сундук с рукописями и завещает жене передать его в Петербург, этот сундук через сына поэта, затем через известного историка Семевского попал в руки

---

⁶¹ Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара // Собр. соч. М. ; Л. : Худлит, 1959. Т. 2. С. 269–271.

⁶² Гофф Ж. Ле. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С. 126.

некого антиквара. По свидетельству В. Каверина – младшего друга и родственника Тынянова: «Юрий Николаевич, потратив почти все, что у него было...постепенно собрал все рукописи Кюхельбекера и в письме поэта Туманского нашел приписку рукой Пушкина» ⁶³.

Вот это и есть настоящий профессионализм, соединение писателя и историка – исследователя. Когда в 1957 г. после долгого забвения «Кюхля» вышел во Франции, автор предисловия Пьер Дэкс – писатель, узник Маутхаузена, участник Сопротивления обещал читателям, что они откроют для себя не только Вильгельма и декабристов, но и великого писателя.

Мы уже упоминали, что А. С. Грибоедов был любимым героем Тынянова и естественно, что следующее произведение автора «Смерть Вазир-Мухтара» было целиком посвящено ему. Чуковский так вспоминает о начале этой работы: «...Ю. Н. читал мне отрывки из своей новой повести «Смерть Грибоедова». Отрывки хорошо написаны – но чересчур хорошо. Слишком густо дан старинный стиль. Нет ни одной не стилизованной строки. Получаются одни эссенции, т. е. внутренняя ложь, литературщина...он согласился со мною и сказал, что переделает» ⁶⁴. Но знаменитое предисловие к роману, где проведена беспощадная грань между людьми 20-х и 30-х гг.: остается не только прозаическим, но и поэтическим шедевром. Оно начинается эпиграфом из Е. Баратынского:

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так яркий ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев.
Храня движенья вид.

---

⁶³ Каверин В. А. Юрий Тынянов // Собр. соч. Т. 6. М. : Худ. лит., 1980–1983. С. 517.

⁶⁴ Чуковский К. Указ. соч. С. 326.

И далее:

«На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей – это пытали время, был «большой застенок» (так говорили в эпоху Петра).

Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга.

Тогда начали мерить числом и мерой, судить порхающих отцов; отцы были осуждены на казнь и бесславную жизнь.

Случайный путешественник-француз, пораженный устройством русского механизма, писал о нем: «империя каталогов», и добавлял: «блестящих».

Отцы пригнулись, дети зашевелились, отцы стали бояться детей, уважать их, стали заискивать. У них были по ночам угрызения, тяжелые всхлипы. Они называли это «совестью» и «вспоминанием».

И были пустоты.

За пустотами мало кто разглядел, что кровь отлила от порхающих, как шпага ломких, отцов, что кровь века переместилась.

Дети были моложе отцов всего на два, на три года. Руками рабов и завоеванных пленных, суетясь, дорожась (но не прыгая), они завинтили пустой Бенкендорфов механизм и пустили винт фабрикой и заводом. В тридцатых годах запахло Америкой, ост-индским дымом.

Дуло два ветра: на восток и на запад, и оба несли с собою: соль и смерть отцам и деньги – детям.

Чем была политика для отцов?

«Что такое тайное общество? Мы ходили в Париже к девчонкам, здесь пойдем на Медведя», – так говорил декабрист Лунин.

Он не был легкомыслен, он дразнил потом Николая из Сибири письмами и проектами, написанными издевательски ясным почерком; тростью он дразнил медведя – он был легок...

Людей, умиравших раньше своего века, смерть застигала внезапно, как любовь, как дождь.

«Он схватил за руку испуганного доктора и просил настоятельно помощи, громко требуя и крича на него: «Да понимаешь ли, мой друг, что я жить хочу, жить хочу!»

Так умирал Ермолов, законсервированный Николаем в банку полководец двадцатых годов.

И врач, сдавленный его рукой, упал в обморок.

Они узнавали друг друга потом в толпе тридцатых годов, люди двадцатых, – у них был такой «масонский знак», взгляд такой и в особенности усмешка, которой другие не понимали. Усмешка была почти детская.

Кругом они слышали другие слова, они всеми силами бились над таким словом, как «камер-юнкер» или «аренда», и тоже их не понимали. Они жизнью расплачивались иногда за незнакомство со словарем своих детей и младших братьев. Легко умирать за «девчонок» или за «тайное общество», за «камер-юнкера» лечь тяжелее.

Людям двадцатых годов досталась тяжелая смерть, потому что век умер раньше их.

У них было в тридцатых годах верное чутье, когда человеку умереть. Они, как псы, выбирали для смерти угол поудобнее. И уже не требовали перед смертью ни любви, ни дружбы.

Что дружба? Что любовь?

Дружбу они обронули где-то в предыдущем десятилетии, и от нее осталась только привычка писать письма да ходатайствовать за виноватых друзей – кстати, тогда виноватых было много. Они писали друг другу длинные сентиментальные письма и обманывали друг друга, как раньше обманывали женщин.

Над женщинами в двадцатых годах шутили и вовсе не делали тайн из любви. Иногда только дрались или умирали с таким видом, как будто говорили: «Завтра побывать у Истоминой». Был такой термин у эпохи: «сердца раны». Кстати, он вовсе не препятствовал бракам по расчету.

В тридцатых годах поэты стали писать глупым красавицам...

Разврат с девчонками двадцатых годов оказался добросовестным и ребяческим, тайные общества показались “сотней прапорщиков”.

Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими баками!

Как страшна была жизнь превращаемых, жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемещалась кровь!

Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут.

Время бродило.

Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения.

Было в двадцатых годах винное брожение – Пушкин.

Грибоедов был уксусным брожением.

А там – с Лермонтова идет по слову и крови гниlostное брожение, как звон гитары.

Запах самых тонких духов закрепляется на разложении, на отбросе (амбра – отброс морского животного), и самый тонкий запах ближе всего к вонии...

В этот день я отодвинул рукой запах духов и отбросов. Старый азиатский уксус лежит в моих венах, и кровь пробирается медленно, как бы сквозь пустоты разоренных империй.

Человек небольшого роста, желтый и чопорный, занимает мое воображение.

Он лежит неподвижно, глаза его блестят со сна.

Он протянул руку за очками, к столику.

Он не думает, не говорит.

Еще ничего не решено...»⁶⁵

Читатели русской классики, конечно, сразу обнаружат в этой лирической прозе мотивы лермонтовского «Печально я гляжу на наше поколение» и вспомнят, что Пушкин погиб в придворном звании «камер-юнкера», но сам Юрий Николаевич и его друзья по Ленинградскому университету и ленинградской литературе прекрасно видели, что поколение революционных 20-х XX в. тоже постепенно исчезает. Умерли Венгеров и Шахматов, замолчали после проработок Эйхенбаум и Бухштаб, эмигрировал Роман Якобсон, «перековались» Шкловский и Пумпянский, скоро «загремит» в ссылку Михаил Бахтин. Формализм становится самым расхожим ругательным ярлыком. Да и сами бывшие «формалисты» предпочитают об изучении формы не вспоминать. В записи 1935 г. Чуковский приводит трагикомический эпизод совещания в издательстве «Academia». Недавно назначенный директором издательства, «помилованный» вождь оппозиции Лев Каменев собирает бывших формалистов: «...круглый зал, куда собрались... Томашевский, Тынянов, Эйхенбаум, Гуковский, Оксман, Жирмунский... Каменев вынул из кармана письмо от Алексея Максимовича: «он пишет мне, что надо сделать такую книгу, где были бы показаны литер[атурные] приемы

---

⁶⁵ Тынянов Ю. Н. Указ. соч. С. 269–271, 4–6.

старых мастеров, что бы молодежь могла учиться... думаю... что это должно быть руководство по технологии творчества. Тут он предъявил к бывшим формалистам такие формалистические требования, от которых 12 лет назад у Эйхенбаума и Томашевского загорелись бы от восторга глаза. Мысль Каменева – Горького такая: «поменьше марксизма, побольше формалистического анализа...!» Но формалисты кот[орых] больше десяти лет отлучали от формализма... встретили эту индульгенцию холодно. Эйхенбаум сказал с большим достоинством: «Мы за эти годы отучились так думать (о приемах). И по существу потеряли всякий к этому интерес. Отвлечено говоря, можно бы было создать такую книгу... но... – это была бы халтура – подхватил Томашевский.

Эйхенбаум]: «теперь нам бы пришлось пережевывать либо старые мысли, либо давать что-то новое (т.е. марксизм).

Жирмунский: Мы в последнее время на эти темы не думали. Не случайно не думали, а по какой-то исторической необходимости.

Каменев понял ситуацию: «Ну что же! Не могу же я вас в концентрационный лагерь запереть»⁶⁶.

Трагическая ирония ситуации, в том, что самому Каменеву оставалось до тюрьмы... меньше месяца. Запись помечена ноябрем, 1 декабря был убит Киров, а 14-го Каменев и Зиновьев начали свой путь к окончательной гибели.

Но Тынянов эту удушающую атмосферу почувствовал значительно раньше, в конце 20-х гг. и именно это его настроение и порождает мрачную «ауру» романа о Грибоедове. Но она удивительно точно передает историческую правду эпохи. Это доказывают пушкинские строки из «Путешествия в Арзрум»: «...Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества – все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его да-

---

⁶⁶ Чуковский К. Указ. соч. С. 253.

рованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении... несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости... когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном... Замечательные люди исчезают у нас не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны»⁶⁷.

Недаром тыняновский Грибоедов повторяет про себя предсмертные стихи казненного Сергея Муравьева-Апостола:

Задумчив, одинокий,
Я по земле пройду незнаемый никем,
Лишь пред концом моим внезапно удивленный
Увидит мир, кого лишился он!

Поражает профессионализм Тынянова – писателя и исследователя при работе с документами: «Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не “выдумкой”, а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них»⁶⁸.

Как писатель, он не поверил археологу Н. Берже и его официозному рассказу о Самсоне Макинцеве («Самсонхане») – казачьем вахмистре, дезертировавшим в Персию и ставшим там шахским генералом и командиром отдельного отряда русских дезертиров, Берже рассказал сентиментальную историю о «раскаявшихся и вернувшихся», а Макинцева изобразил русским дворянином, даже уехавшим из Тебриза, чтобы не воевать против соотечественников. Тынянов вспоминал: «Я решительно ничего не мог сделать с этой конфетной историей... у меня под рукой не было никаких документов и я все-таки не мог писать вместе с Берже... Мне почему-то все время представлялся какой-то попечитель учебного округа... уверяющий гимназистов, что «даже закоренелые преступники, и те, почувствовали раскаяние...», начальник

---

⁶⁷ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 667–668.

⁶⁸ Каверин В. А. Юрий Тынянов // Собр. соч. Т. 6. М.: Худ. лит., 1980–1983. С. 517.

гвардии, до этого за измену убивший свою жену, не может отказаться от военных действий. И как персы позволили бы...своему генералу пить кофе и шербет, когда их били, и сознательно... я написал об участии Самсона и его солдат в битвах с русскими войсками, а потом наткнулся на... записку генерала Красовского, в которой тот требовал подмоги, потому что на левом фланге наседают на него русские изменники... ну не могли эти дезертиры... битые и прогнанные сквозь строй «не пожелать драться...» ⁶⁹.

Вот что понимал писатель под неоднократно повторяемой им формулой: «Где кончается документ, там я начинаю...». Но документ документу рознь. И это особенно рельефно видится в эпизодах «Вазир-Мухтара», касающихся гибели Грибоедова. Вот как описывает это событие, явно повторяя точку зрения императора, его «*alter ego*», шеф жандармов А. Х. Бенкендорф:

«...Наш посланник при дворе персидского шаха господин Грибоедов, человек умный, но возможно, несколько неосторожный, настроил против себя население Тегерана. Унижение последней войны сделало горожан еще менее терпимым к русским. Он пренебрег общественным мнением, которое только ждало случая, чтобы взорваться. Сигналом к началу послужила пустячная ссора на рынке между... персами и слугами Грибоедова, народ взломал двери жилища нашего представителя и он сам...так же большая часть его прислуги...были бесчеловечным образом убиты, до того как правительство...направило посольству помощь...» ⁷⁰.

Невольно вспоминается еще одна фраза Тынянова: «Есть документы парадные и они врут как люди» ⁷¹.

Но как историк-профессионал, Тынянов прекрасно понимал значение исторических документов: «...Придя к нему однажды осенью 1937 года я нашел его неузнаваемо изменившимся, похудевшим, бледным, сидящим в кресле с бесильно брошенными руками... его мучила мысль, что он сжег

---

⁶⁹ Тынянов Ю. Н. Как мы пишем // Собр. соч. Т. 3. С. 316.

⁷⁰ Бенкендорф А. Х. Воспоминания: 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры, 2012. С. 402.

⁷¹ Каверин В. А. Указ. соч. С. 530.

письмо Горького вместе с другими бумагами... как это делали многие, почти все, не зная, что может случиться в следующую ночь... он заговорил о невозвратимой гибели архивов, свидетельств истории, собиравшихся десятилетиями, – бесценных коллекций, в которых отразилась вся частная жизнь России. – Не только люди, память гибнет, никогда прежде я не видел его в таком отчаянии...»⁷².

Истинная же причина гибели великого драматурга и блестящего дипломата в том, что он стал важной фигурой (не пешкой!) в дебюте «большой игры» – геополитического соперничества великих держав на Среднем Востоке. Персия, проигравшая войну с Россией, стремилась взять реванш в Афганистане, подчинив Герат – ключ к индийским владениям Англии, опираясь на мир на своих северных границах. Об этом подробно повествует один из создателей исторической школы Иркутска, профессор С. В. Шостакович: «Весной 1828 г. во время пребывания Грибоедова в Петербурге, секретарь английской миссии капитан Кемпбелл при встрече предупредил его: «Берегитесь! Вам не простят Туркманчайского мира!»⁷³. И недаром, в романе Тынянова, Грибоедова как бы сопровождают от Петербурга до Тегерана англичане: доктор Макниль и полковник Макдональд. А вот еще отрывок из исследования С. В. Шостаковича: «Многотысячная толпа в полном смысле слова потерявшая всякий человеческий облик, омывшая руки в крови защитников миссии, штурмом берет дворы британского посольства, убивает русских (находившихся там), грабит русское имущество в британской миссии и одновременно бережно относится к имуществу, составлявшему британскую собственность... Мыслимо ли вообще представить, что бы обезумевшие фанатики во время резни русских четко отличали «дружественное» – британское, от «вражеского» – русского...»⁷⁴.

Но, основной месседж «Смерти Вазир-Мухтара» все же не в реконструкции исторических реалий, которые, как извест-

---

⁷² Каверин В. А. Указ. соч. С. 526.

⁷³ Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность Грибоедова. М., 1960. С. 263.

⁷⁴ Там же. С. 264.

но, весьма условны, а что бы это уяснить, мы вновь должны вернуться к определению исторического романа. В тексте, где органично (а иногда неорганично) сочетаются вымысел и исторические факты изначально бессмысленно проверять «правильность» и «неправильность» повествования, его соответствие «реалиям». Великий русский филолог С. С. Аверинцев считал, что от исторического романа не требуют, что бы он был историческим исследованием, потому что это разные вещи.

Любой исторический роман – это не «картинка прошлого», это прежде всего документ той эпохи, в которой он был создан. То есть, выражаясь метафорично, это не телескоп так называемой «научной фантастики», не увлекательная «виртуальная реальность» фэнтэзи, а скорее перископ подводной лодки, позволяющий из глубин прошлого обозреть и уяснить реальность настоящего. Поэтому за рамками нашего текста остаются и описи так называемой альтернативной истории, и утопии (дистопии) как нового, так и новейшего времени (от Свифта и Оруэлла, до Д. Быкова и М. Успенского – наших современников).

Умберто Эко – классик постмодернистской европейской исторической литературы, автор знаменитых произведений «Имя Розы», «Маятник Фуко», «Остров накануне», «Бабалоно», «Правжское кладбище» и многочисленных культурологических эссе идет еще дальше:

«Автор не должен интерпретировать свое произведение, либо он не должен писать роман, который по определению – машина-генератор интерпретаций. Такой установке, однако противоречит тот факт, что роману требуется заглавие, это, к сожалению, уже ключ к интерпретации. Наверное, лучше такая нечестная честность, как у Дюма. Там хотя бы ясно, что «Три мушкетера» – на самом деле о четырех... автор должен умереть, чтобы не становится на пути текста... автор не должен объяснять...»⁷⁵.

---

⁷⁵ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 2003. С. 6, 13.

Вернемся к каверинскому очерку о Тынянове: «Не следует думать, что Тынянов был погружен в исторические изучения и лишь там находил источники своего вдохновения. Сила его как раз заключалась в том, что это был человек глубоко современный, превосходно понимавший значение новой полосы в истории России...»⁷⁶. Великолепный знаток языков, блестящий переводчик Гейне, работавший для Коминтерна и, следовательно, прекрасно разбиравшийся в европейских проблемах 20–30-х гг., связанных с неудавшимся экспортом революции в Германию, приходом к власти национал-социалистов. Сходство порядков, которые устанавливали последние с порядками, существовавшими в СССР, не было открытием для Тынянова. И, хотя некоторые строчки из дневников его друга Чуковского и неприятно читать, но следует помнить, что дневники в Советской России не были только личными документами. И Чуковский, и Тынянов прекрасно помнили об изъятии ОГПУ в 1926 г. дневников и рукописей М. А. Булгакова, возможно в писательской среде знали и темную историю с дневниками сотрудника секретариата ВЦИК М. Я. Презента (человека близкого к А. С. Енукидзе и Д. Бедному), ставшими причиной его гибели, а также о передаче в СПО НКВД дневников М. Кузмина из Литературного музея, но рассчитывали, что в случае ухудшения своего положения дневник мог стать для писателя, художника, артиста не только обвинительным, но и оправдательным документом⁷⁷.

Процитируем Чуковского, запись 1930 г.: «Вечером я был у Тынянова: «...я историк и восхищаюсь Сталиным, как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов, величайший из гениев, перестраивающих мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин называться гениальнейшим человеком эпохи... только пожалуйте не говорите об этом никому...», вообще он очень предан Сов[етской] власти – но не хочет афишировать свою преданность... Я говорил ему, провожая... как я люблю произве-

---

⁷⁶ Каверин В. Указ. соч. С. 527.

⁷⁷ Подробнее см.: Михеев М. Дневник в России XIX–XX в. – эго-текст, или пред-текст. М., 2006.

дения Ленина. Тише – говорит он, – Неравно кто услышит и смеется»⁷⁸.

Чуковский, запись 1931 г., о Тынянове: «...основное в нем: утомление и как будто растерянность... Пумпянский читал в Доме печати доклад об исторической беллетристике нашего времени... (О. Форш, А. Толстой и он)... жадно расспрашивал о каждой мельчайшей детали... много ли читалось о нем, и чего было больше похвалы или брани. Тут только я понял, как должна его терзать и мучить поднятая против него идиотская травля. Неудача “Восковой персоны” тоже ощущается им очень болезненно. Все так и говорят: Толстой написал жизнь Петра, а Тынянов смерть. Толстой хорошо, а Тынянов – плохо»⁷⁹.

Особенно болезненной была для Тынянова измена бывших друзей и единомышленников, ближайший сотрудник Юрия Николаевича по ОПОЯЗу Виктор Шкловский опубликовал рецензию о «Восковой персоне» с многозначительным названием: «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают», вначале он снисходительно замечает: «...превосходна Екатерина I, увиденная впервые...». А оканчивается статья в стиле только что распущенного РАППа: «Роман не вытекает из болота, из болота иногда вытекают большие реки, роман втекает в болото. Не кончаясь ничем... Кино, музей восковых фигур, немецкий экспрессионизм определяют Юрия Тынянова...»⁸⁰.

Но если Шкловский все-таки как-то камуфлировал свои выпады против бывшего соратника, то большевистские культуртрегеры орудовали просто идеологической дубиной, в обзоре журнала «Звезда» было прямо сформулировано: «В текущем году ведущее место в журнале было занято право-оппортунистическими писателями, которым редакция обещала возможность враждебных выступлений...», а далее, как показательный пример указывалось: «Свою деятельность в 1931 г. журнал <“Звезда”> начал с опубликования повести

---

⁷⁸ Чуковский К. Указ. соч. С. 253.

⁷⁹ Там же. С. 260.

⁸⁰ Литературная газета. 1932.17 июля.

Тынянова «Восковая фигура» (так в тексте. – прим. авт.), в которой писатель идеализирует (!) петровскую эпоху. Даже после смерти Петра его восковая персона стережёт ореол самодержавия, которое не плохо, а плох двор, окружающий царя...»⁸¹.

Долгое изучение жизни и творчества Грибоедова не могло не вызвать у Тынянова – несомненно крупнейшей фигуры в советской исторической романистике, прямых аналогий судьбы «Горя от ума» с судьбой своих последующих произведений: повести «Восковая персона» (1932, о смерти Петра I) и исторических миниатюр «Подпоручик Киж» (1928) и «Малолетний Витушишников» (1933). Как же соотносятся исторические анекдоты, почерпнутые у историков, составителей сборника «Павел I Собрание анекдотов...» (1901) с действительностью конца 20-х – начала 30-х гг. XX в.?

27 декабря 1932 года в Москве председателем ЦИК СССР М. И. Калининым, председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым и секретарем ЦИК СССР А. С. Енукидзе было подписано постановление № 57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Оно устанавливало, что «все граждане Союза ССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживающие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах и на новостройках, обязаны иметь паспорта»⁸². Отныне вся территория страны и ее население делились на две неравные части: ту, где была введена паспортная система, и ту, где ее не существовало. В паспортизированных местностях паспорт являлся единственным документом, «удостоверяющим личность владельца». Вводилась обязательная прописка паспортов в органах милиции «не позднее 24 часов по прибытии на новое местожительство». Обязательной стала и выписка – для всех, кто выбывал «из пределов данного населенного пункта совсем или на срок более двух месяцев»; для всех, по-

---

⁸¹ Докладная записка культпропа в адрес Оргбюро ЦК ВКП (б) о состоянии советских литературных журналов «Красная Новь», «Новый мир», «Звезда» и др. // Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956. М.: Демократия, 2005. С. 216.

⁸² Подробнее см.: Попов В. Паспортная система в СССР // Новый мир. 1996. № 6.

кидающих прежнее местожительство, обменивающих паспорта; заключенных; арестованных, содержащихся под стражей более двух месяцев.

Помимо кратких сведений о владельце (имя, отчество, фамилия, время и место рождения, национальность) в паспорте указывались: социальное положение, советский новояз устанавливал для людей следующие социальные ярлыки: «рабочий», «колхозник», «крестьянин-единоличник», «служащий», «учащийся», «писатель», «художник», «артист», «скульптор», «кустарь», «пенсионер», «иждивенец», «без определенных занятий», постоянное местожительство и место работы, прохождение обязательной военной службы и перечень документов, на основании которых выдавался паспорт. Главному управлению рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР поручалось в десятидневный (!) срок представить в Совнарком инструкцию о «проведении постановления». Далее исследователь отмечает: «Минимальный срок подготовки инструкции, о котором говорится в постановлении, указывает: она была составлена и согласована во всех звеньях высшего партийно-государственного аппарата советской власти задолго до декабря 1932 г.⁸³

Большинство законодательных документов советской эпохи, регулировавших основные вопросы жизни людей, никогда полностью не обнародовались. Законодательство имело как бы две стороны: одну, в которой открыто и гласно – «для народа» – определялась правовая норма. И вторую, секретную, которая была главной, ибо в ней всем государственным органам предписывалось, как именно следует понимать закон и практически проводить его в жизнь. Поэтому постановление Совнаркома СССР № 43 от 14 января 1933 г. утверждало «Инструкцию о выдаче паспортов», которая имела два раздела – общий и секретный.

«Первоначально предписывалось проведение паспортизации с обязательной пропиской в Москве, Ленинграде (включая стокилометровую полосу вокруг них), Харькове (включая

---

⁸³ Попов В. Указ. соч.

пятидесятикилометровую полосу) в течение января – июня 1933 г. Территории трех вышеназванных городов со стопятидесятикилометровыми полосами вокруг объявлялись режимными. Позже к режимным были отнесены еще 23 города.

Секретный раздел вышеназванной инструкции устанавливал ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для следующих групп граждан: «не занятых общественно-полезным трудом» на производстве, в учреждениях, школах, убежавших из деревень «кулаков» и «раскулаченных», прибывших из других городов и сел страны «без приглашения на работу»; «лишенцев» – людей, лишенных советским законом избирательных прав, – тех же «кулаков», «использующих наемный труд», «частных торговцев», «священнослужителей»; «бывших заключенных и ссыльных», (в постановлении от 14 января 1933 г. приводился «не подлежащий оглашению» специальный перечень этих лиц); членов семей всех вышеперечисленных групп граждан.

Вновь прибывающим в режимные местности следовало для прописки кроме паспорта представлять справку о наличии жилплощади и документы, удостоверяющие цель приезда. Если размер площади, на которую собирался прописаться приезжающий, был меньше установленной санитарной нормы (в Москве, например, санитарная норма составляла 4–6 кв. м в общежитиях и 9 кв. м в государственных домах), то в прописке ему отказывали»⁸⁴.

Обращаем внимание, на обоснованное предположение исследователя, что ужесточение контроля за населением СССР явно планировалось ранее. Могла ли информация об этом (скорее всего, в самом общем виде) просачиваться из официальных кругов? Вполне могла, а отнесение истории «несуществующей личности» – подпоручика Киже к павловской эпохе вполне понятно. Каверин вспоминает о Тынянове: «Это был человек, который умел из наблюдений, подчас совершенно ничтожных, делать неожиданные и далекие выводы»⁸⁵. Да и информация могла приходиться сотрудникам жур-

---

⁸⁴ Попов В. Указ. соч.

⁸⁵ Каверин В. Указ. соч. С. 529.

нала, через того же Воронского, покинувшего пост главного редактора только летом 1927 г. и во время «междоусобицы» (коллективным редактированием журнала) до 1929. Рассказ сразу вызвал ожесточенные нападки РАППа в журнале «На литературном посту» и больше в «Красной Нови» Тынянов не печатался.

«Подпоручик Киж» многократно переиздавался, дважды экранизировался (1934, 1990 – «Шаги императора») переведен на множество языков, по нему поставлен замечательный анимационный фильм. «Поручиком Киж» иногда иронично именуют ситуацию, когда мелкая, нелепая ошибка приводит к масштабным последствиям, либо несуществующий объект, мифическую фигуру, которая из-за ошибки, недоразумения или случайного совпадения была сочтена реальной. Чуковский вспоминает: рассказ Тынянова об одном советском писателе: «и тут я увидел, что он и есть Поручик Киж. Ничего человеческого, никакой индивидуальности, никаких человеческих интересов. Кроме мыслей о карьере – ничего. Не человек, а ворох старых газет...»⁸⁶.

Но вторая линия рассказа – история «лишенца» – поручика Синюхаева, который из живых был объявлен мертвым, ведет читателя в самую глубину той мысли, что для бездушной тоталитарной бюрократической машины живой человек не нужен и даже опасен. Исторический анекдот о «Малолетном Витушишникове», который не умел ничего, только «громко бить в барабан», это и злая сатира на стремление всех тоталитарных и авторитарных властителей руководить государством «методом ручного управления» и пример, к каким комическим, а чаще трагическим случаям оно приводит. Мы не пересказываем сюжеты этих замечательных кратких повестей, читатель может сам составить о них мнение.

Повесть «Восковая персона» стоит несколько в стороне от других произведений Тынянова, хотя несколько не уступает им ни в конкретности исторического воображения, ни в силе, с которой обрисованы деятели петровского государст-

---

⁸⁶ Чуковский К. Указ. соч. С. 129.

ва. Она порою трудна для чтения; написана, как бы от имени человека петровского времени, когда в русский язык ворвалось множество иностранных слов, подчас в неожиданных и причудливых сочетаниях. Эти были слова необычайно резко окрашивающие разговорную речь того времени (именно этого не увидел или не хотел увидеть Шкловский в своей рецензии). Впрочем, вопрос о языке исторической прозы один из самых сложных, и мы его в дальнейшем коснемся. Эти языковые средства помогли автору создать характеры, поразительные по своей точности и простоте. Таков Меньшиков с его потерей представления о том, что его окружает, с его страхом перед огромностью того, что находится под его неограниченной властью, с его любовью к «даче», т. е. взятке, которая мила ему именно своей конкретностью, что и вынуждает его в страхе к «ручной и ножной драке» с еще одним «первым лицом» государства – Ягужинским. Такова Екатерина, так и оставшаяся деревенской девкой, погруженная в мир поразительно ничтожных интересов. Таков, наконец, и сам Петр, вокруг которого с каждым часом образуется пустота, граничащая с крушением всего, что он сделал. Страшная сцена, где умирающий император на вопрос генерал-фискала, составляющего списки: «А скажешь ли – наложить топор на весь корень?» получает ответ: «Тли дотла». И фискал отсчитывает на счетах: «А девяносто две кости были девяносто две головы». И здесь Каверин абсолютно прав: Самой «современной» книгой Тынянова – и не только современной, но и предсказавшей некоторые явления – была, без сомнения «Восковая персона»⁸⁷. В обстановке свертывавшейся хрущевской «оттепели» Каверин не мог сказать больше.

Интересно сравнить тыняновскую повесть со знаменитой «Поэмой о Сталине» драматурга и барда Александра Галича. Его умирающий вождь, ведущий ожесточенный спор с Христом, и как отклик на петровское «Тли до тла» произносящий: «И пес со всеми, во мрак и тлен, и все их семьи до ста колен...», поразительно похож на тыняновского персонажа в сво-

---

⁸⁷ Каверин В. А. Указ. соч. С. 530.

ем предсмертном одиночестве и страхе, что все ими созданное рухнет после них. Не исполнилось сталинское: «Вечным будет царствие мое!», и если от Петра остается восковая статуя в Кунсткамере, среди «монстров» и «раритетов», то от «вождя народов», только гипсовые сапоги, ковыляющие в «Памятниках» Галича или валяющиеся на складе НИИЧАВО у Стругацких.

Поразительная многогранность личности Тынянова проявлялась не только в литературе и науке, он был, по воспоминаниям современников и друзей, поразительно артистичен, работал для кино, но главным делом, которое он так и не закончил, стала художественная биография Пушкина. Тынянов жаловался Чуковскому: «...написал уже 200 страниц... а между тем Пушкин у меня только-только поступает в Лицей...» Уже тяжело больной писатель в эвакуации так и не прочел письма Сергея Эйзенштейна: «Дорогой и несравненный Юрий! С громадным удовольствием прочел сидя... в горах на китайской границе, Вашего Пушкина...» Мастер видит уже сюжет будущей картины, точнее, ее цветовую раскадровку: «Петербург последнего периода с выпадающим цветным спектром, постепенно заглатываемый мраком. В темном кадре лишь одно, два цветовых пятна. Зеленое сукно игрального зала, желтые свечи ночных приемов Голицыной ... И полный тон концовки с гробом, увлекаемым в ночь... не хватало... главного лейтмотива... очень прошу считать «Вашего Пушкина» в изложенном разрезе сценария «за мной»⁸⁸. Увы! Эйзенштейн не снял фильма, а Тынянов не дописал романа.

---

⁸⁸ Цит. по: Каверин В. Указ. соч. С. 534–535.

Глава 7

Накануне...

В середине 1930-х гг. в советской науке и культуре, произошёл, как это время определяют историки, «the Great retreat» (Большой возврат (англ.) и «на смену безоговорочному отрицанию старого пришел принцип его бесконечной модернизации». По выражению Добренко: Эта схема, запечатленная во всей советологической историографии, зеркально отражает собственно советскую схему, согласно которой в середине 1930-х гг. произошел отказ от “левацкого, нигилистического, наплевательского отношения к народному прошлому” и была осознана роль истории, ее “важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения...”⁸⁹. На самом деле, все было гораздо сложнее. Конечно, основные контуры этого перелома были намечены раньше. Но тут встал вопрос, имевший не только идеологическое (литературное) измерение, но и связанный со злободневно-политическими проблемами, в том числе с существованием РАППа (т. е. Российской ассоциации пролетарских писателей), окончательно конституировавшейся, естественно, при поддержке ВКП (б) на I Всесоюзном съезде пролетарских писателей в 1928 г. и практически захватившей командные позиции в культуре. В начале 30-х гг. организация уже имела достаточно богатую и бурную историю. Предшественница РАПП – ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) была утверждена Наркомпросом в качестве головной писательской организации еще в

---

⁸⁹ Соцреалистический канон. С. 23.

1921 г. В 1924 г. руководство ВАПП перешло от группы «Кузница» к группе «Октябрь» и МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей). В 1926-м в ВАПП произошел раскол. Редакторы журнала «На посту» (1923–1925) С. Родов, И. Варадин, Г. Лелевич были обвинены в левацком уклоне и выведены из членов правления ВАПП. Однако новое руководство (Л. Авербах, Ю. Либединский, В. Ермилов, В. Киршон, А. Фадеев и др.) продолжали прежнюю ортодоксально-революционную линию. Главным теоретическим органом стал журнал «На литературном посту». В 1925-м ВАПП, переименовавшись в РАПП, становится ведущей организацией в составе созданной в это же время ВОАПП (Всероссийского объединения ассоциаций пролетарских писателей). В уставе организации прокламировалось, что РАПП выступает «на идеологическом фронте под руководством ВКП (б), рассматривает себя как один из боевых отрядов рабочего класса», со специфической задачей укрепления «гегемонии пролетарской литературы». Именно РАПП наклеивала ярлыки «новобуржуазной литературы на творчество Е. Замятина, М. Булгакова и других, боролась с некоторыми писателями-попутчиками, такими как Вс. Иванов, Б. Пильняк, М. Пришвин, И. Бабель, К. Паустовский, Л. Леонов, Б. Пастернак, и даже с писателями-коммунистами, не одобрявшими прямолинейную политику РАПП).

К. Чуковский в «Дневнике 1935 г.» язвительно комментирует: «...Ольга Форш... забавно рассказывала, как в Пушкинском Доме повесили ее портрет и подписали: “писательница мелко-буржуазного лагеря”, так что ей стыдно туда глаза показать...»⁹⁰.

Основные рапповские лозунги: «срывание всех и всяческих масок», «показ живого человека», «учеба у классиков», «призыв ударников в литературу», «не попутчик, а союзник или враг» и др. РАПП в своей работе руководствовалась так называемым диалектико-материалистическим творческим методом. В целом для ее деятельности были характерны: перенесение политических методов борьбы в область литера-

---

⁹⁰ Чуковский К. Указ. соч. С. 46–47.

туры, грубое администрирование, вульгарный социологизм, непонимание специфики искусства. В связи с намерением партии объединить всех писателей, драматургов, литературных критиков в «единый союз советских писателей» в 1932 г. ВОАПП и РАПП были ликвидированы, но видные деятели РАПП (А. Фадеев, В. Киршон, Л. Авербах и др.) вошли в организационный комитет создающегося Союза писателей СССР, но от своих идей не отказались, за что сам Генеральный в октябре 1932 г. на встрече с писателями-коммунистами в квартире Горького резко их критиковал: «...вы не сумели объединить даже коммунистов-писателей...» и жестко указывал: «...вы должны самым решительным образом отказаться от групповщины...», а потом издевательски заметил: «...в свое время вы умели всех здорово критиковать... теперь вас будут критиковать...умели бить других – теперь потерпите сами...»⁹¹. Кроме того, Вождь многозначительно заметил, что: «...Маркс читал и изучал не только Шекспира, но и Дюма...»⁹². Сталин (а за ним и Лукач) ссылаются на воспоминания Поля Лафарга: «По временам Маркс ложился на диван и читал романы... Дюма-отца и Вальтера Скотта, роман которого «Пуритане» считал образцовым произведением»⁹³.

Новая идеологическая компания готовилась исподволь и тщательно: 15 мая 1934 г. Политбюро принимает постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», сформулировав это так: «Нужна историко-хронологическая последовательность, а не формации», это стало первым выстрелом компании борьбы со «школой Покровского». Приказано было: «Подготовить к июню 1935 г. учебники» по всеобщей и отечественной истории, а в августе следующего года были одобрены знаменитые замечания Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР. Но еще раньше в феврале 1936 г. «Правда» опубликовала редакционный материал «Об одной гнилой концепции». Это был ответ на бухаринскую статью в «Известиях» 21 января, посвящен-

---

⁹¹ Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956. М. : Междунар. фонд «Демократия» : Материк, 2005. С. 262–263.

⁹² Там же. С. 265–266.

⁹³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. об искусстве. Т. 2. М., 1983. С. 534.

ную 12-летней дате смерти В. И. Ленина. По мнению Н. И. Бухарина в старой России господствовала «нация Обломовых», а «самой универсальной чертой» русского национального характера являлась «обломовщина», которую только гений Ленина сумел преодолеть. Редакционная статья, за которой, несомненно, стоял сам Сталин язвительно спрашивала: «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей «концепции», как это «нация Обломовых» могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять... как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов...»⁹⁴.

До середины 30-х гг. советская идеология ограничивалась лишь критикой отдельных деятелей искусства и литературы. Для нашей темы интересен, как образец такой критики, рапповский анализ историко-революционной прозы (РАПП в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков назвал «МАССОЛИТОМ»). Критик, сопоставляя два произведения о Гражданской войне, отдает решительное предпочтение «пролетарскому» прозаику А. Серафимовичу перед «попутчиком» и «сменовеховцем» А. Н. Толстым: «В Эпизодах “Восемнадцатого года” (второй том трилогии “Хождение по мукам”, 1927 г.) существуют отдельно история и отдельно роман, причем, как правило, романские персонажи не делают истории, а исторические деятели не превращены в персонажи романа, т. е. не имеют личной судьбы, проходят силуэтами, не даны объемно... <т. е.> основное историческое содержание эпохи, еще не стало содержанием жизни персонажей романа... не люди на фоне истории войны, а люди, делающие историю войны показаны в «Железном потоке»... историческое лицо и проблемный индивидуальный персонаж не разложены по разным карманам, не разобщены в двух этажах произведения...»⁹⁵.

Попытка же М. А. Булгакова создать развернутое историко-биографическое полотно в книге о Мольере встретило

---

⁹⁴ Правда. 1936. 10 февр.

⁹⁵ Перцов В. Этюды о советской литературе. М.: ГИХЛ, 1937. С. 48–50.

резкое противодействие того же Горького. Из письма Горького А. Н. Тихонову (Сереброву) о книге Булгакова «Мольер»: «С Вашей... отрицательной оценкой работы М. А. Булгакова я совершенно согласен... нужно не только дополнить ее историческим материалом и придать ей социальную значимость... в данном виде это несерьезная работа... – она будет резко осуждена»⁹⁶. Не очень понятно, что значит «будет резко осуждена», возможно, Горький, понимая, что к литературе, в том числе к литературе исторической, предъявляются новые требования, пытался спасти Булгакова от новых нападков рапповской критики.

Но за критикой вскоре последовали и первые репрессии: арест и ссылка А. Воронского, устранение Л. Авербаха, фактическое изгнание из литературоведческой науки и Ю. Тынянова, и его соратников по ОПОЯЗу, даже Михаил Кольцов – сталинский любимец и доверенный порученец понимал, что происходит в культуре:

«М. Кольцов: «А у нас здесь вся литература разогнана и приведена к молчанию. Писатели только и пишут, что письма к Сталину»⁹⁷.

Но наказывая наиболее ярких и иногда наиболее «наглых» (Л. Авербах, Д. Бедный) диктатура одновременно использовала и «пряники». Тот же Чуковский прозорливо замечает еще в записях 1931 г.: «...Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь. В Проезде Худ[ожественного] театра... выстроили особняк для писателей...сытый хамский стиль... богатые становятся все богаче, а бедные все беднее...»⁹⁸. Последующая гибель А. Веселого, И. Бабеля и Б. Пильняка, В. Мейерхольда, того же М. Кольцова и многих других в застенках НКВД, была уже фактически предreshена.

---

⁹⁶ Цит. по: Булгаков М. // Собр. соч. Т. 8. Жизнеописание в документах. СПб., 2004. С. 367.

⁹⁷ Чуковский К. Указ. соч. С. 46 –47.

⁹⁸ Там же. С. 34–35.

Глава 8

Поворот «все вдруг»

Какие же задачи были поставлены перед собственно исторической литературой на этапе «коренного поворота»? Или как по морской терминологии выражался поэт и критик С. Колбасьев: «Поворот «все вдруг!» (одновременное резкое изменение курса группой кораблей. – *Прим. авт.*) Достаточно определенно они были выражены академиком А. М. Панкратовой в статье, посвященной 25-летию советской исторической науки (1942). Автор патетично рассказывала о том, как популярна история, и какой «горячий отклик в сердцах читателей находит она в Советской стране: «Советский читатель с огромным интересом следит за каждой новой книгой советских историков. «Эта особенность советского читателя ко многому обязывает и советского писателя, в том числе и историка», – заключала Панкратова. Хватило же на этот указующий документ бумаги и сил в блокадном Ленинграде! Сама же академик благополучно работала в эвакуации над «Историей Казахской ССР», активно шельмуя своего учителя Покровского – тот, умирая от рака, спас ее от исключения из ВКП(б) в 1931 г.

Вторя ей, популярная писательница Анна Антоновская (роман «Великий Моурави» и сценарий фильма «Георгий Саакадзе») призывает: «Наш исторический роман, – должен быть не только занимательным, но и познавательным, а писатель – не только художником, но и исследователем, вооруженным передовой наукой». Но на русскую историю, точнее на историю всех народов, составляющих Советский Союз, нала-

галась новая политико-идеологическая матрица и художественное изображение истории должно было ей соответствовать.

Авторы сборника «Социалистический канон» отмечают: «новая концепция не была, как принято думать, простым «отказом» от революционаризма Покровского или только «возвратом» к прежним русским «Историям». Ее отношения с прошлым строились на принципах общей стратегии советского исторического сознания, в основе которого лежал принцип исторического синтезирования...» (Соцреалистический канон. С. 27). Конкретная марксистская история» должна быть изложена «в живой занимательной форме... с характеристикой исторических деятелей».

Многотомный (6 томов) роман Антоновской, был расхвален критикой и уже через несколько лет удостоен Сталинской премии (1941). Если же попробовать хотя бы бегло пролистать сейчас эти страницы, наполненные бесконечными сварами грузинских князей, персидских сарабазов, оттоманских пашей и янычар в XVII в., то непонятно, какие же художественные и идейные достижения нашла в нем власть. Ответ в ключевом эпизоде, даже не эпопеи, а поставленного по ней фильма, перед лицом очередного вторжения в Грузию не то персов, не то турок, герой освободительной борьбы Георгий Саакадзе решает обмануть агрессоров и приказывает музыкантам играть «русскую военную музыку», завоеватели, струсив, отступают. Понятно, что данный эпизод – чистая выдумка. Но грузинскую историю во власти могли корректировать только два грузина. Лаврентий Павлович Берия, насколько известно, после знаменитого сборника «История партийных организаций Закавказья» экскурсов в дальние века не предпринимал, а вот Сталин, явно был заинтересован показать, что свободной и счастливой его родина могла стать только в союзе с Россией, а затем и Россией Советской. Полностью «сняв», как «буржуазный» тезис «школы Покровского» о русском империализме власть заменила его костюмированным показом «вечной дружбы народов». К таким произведениям, как эпопея о Саакадзе, добавились «Давид Строитель» и «Десница великого мастера» К. Гамсахурдиа, «Святослав» С. Склярченко, «Даниил Галицкий» М. Бажана. Та-

ким образом, национальные истории оказались проинтегрированными в русскую историю так, что персонажами русской (или, точнее, советской) истории оказались Давид Строитель и Шота Руставели, Навои и Низами рядом с Дмитрием Донским или протопопом Аввакумом. Как отмечает Е. Добренко: «Аннексия национальных историй достигает пика к началу 1950-х годов, в эпоху “борьбы с буржуазным национализмом”, когда национальным историкам было предписано употреблять понятие “золотой век” только при описании эпохи, наступившей вслед за присоединением к Российской империи (таким образом, “золотой век” в истории Грузии перемещался с эпохи Давида Строителя и царицы Тамары в на 7–8 веков в будущее, <т. е. в XIX в.>⁹⁹.

Впрочем, здесь всегда можно прикрыться Лермонтовым:

И божья благодать сошла
На Грузию, она цвела,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Наполнившись новыми персонажами, русская история сама подверглась очередной переработке она превратилась в историю «дружбы народов». Это относится не только к эпохе «присоединений», в которой русские «первопроходцы», «мореплаватели», «открыватели новых земель» рисуются благодетелями для прозябающих на задворках истории и «обреченных на вымирание малых народностей», но и на историю Древней Руси. Так, в «Повести древних лет» (1955) Валентина Иванова читатель узнает, что новгородцы IX в. являются друзьями-просветителями соседнего народа Биармии (пермяков). Политика новгородцев в Подвинье формулируется новгородским военачальником следующим образом: «Нужно следить, чтобы кто из нас сглупа не обидел биарминов... не обижайте их никогда, братья... С ними всегда живите по нашей Новгородской Правде». И действительно, мы видим дружбу, отказ от дани, побратимство (как будто бы и не было русских набегов в IX в. на Византию, Кавказ, Прибалти-

---

⁹⁹ Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 297.

ку). Новгородцам противопоставлены в романе-хронике Иванова «норманы» (иначе говоря, Западная Европа). Это разбойники, живущие в зловонии, садисты, изуверы, уничтожающие все живое, угнетающие «низшие расы». А в это время славяне «по духу, чести и совести, без титулов и гербов, без турниров и замков, и богатых невест, беззвучно гнули спины в работе, страдали, терпели все муки, но с неотвратимой силой стихии осваивали непроходимые и почти безлюдные территории северо-востока и востока, шли в южные степи и выплавляли не порабощением, а трудом и дружбой людей всех племен государство-монолит на одной шестой части всего земного шара»¹⁰⁰.

С точки же зрения достоверности, роман «Повести древних лет» серьезно искажает историческую действительность, преувеличивая как военную силу скандинавов того времени, так и их враждебность к новгородцам. В книге масса фактических ошибок касающихся оружия, демонстрирующих абсолютную безграмотность в области истории кораблестроения, описания кораблей.

Скандинавские хроники не сохранили также никаких сведений о крупномасштабных военных операциях скандинавов в Белом море, тем более кровавых столкновениях с русичами, жителями богатой и сильной Гардарики, с которыми «пенители морей», предпочитали тогда «не воевать, а торговать». Также нигде не находим мы сведений о тайном оружии биармов – костяных стрелах, отравленных трупным ядом тухлых рыб, об использовании викингами прикованных к кораблям рабов-черпальщиков и т. д.

Не соответствует историческим реалиям и безапелляционное утверждение Иванова о том, что «получив жестокий урок», скандинавы якобы больше никогда не нападали на Биармию и не плавали в Белое море. Из источников, исландских саг и «Деяний датчан» Саксона Грамматика, известно, что такие экспедиции предпринимались неоднократно, начиная с того же Харальда Хорфагера (870-е гг.), и кончая Ха-

---

¹⁰⁰ Иванов В. Повести древних лет. Предисловие. М. : Худлит, 1955. С. 4.

коном IV (1222), причем последний рейд окончился полным разорением земли биармов.

Авторским вымыслом является и общая картина освоения новгородскими поселенцами Двинского берега. В романе речь идет о сотнях заимщиков, в том числе породнившихся с биармами через межнациональные браки. Никакого городища «Усть-Двинец» современная археология не знает, хотя сам факт проникновения восточных славян в эти земли в домонгольское время, во всяком случае с XII в., не вызывает никаких сомнений.

Бросается в глаза, что в мире, изображенном В. Д. Ивановым, скандинавские страны середины IX в. выглядят еще неким «этническим целым», почти единой страной. Между тем в эту эпоху норвежцы фактически имели независимое государство, причем говорили на языке, сильно отличающемся от шведского. Также ничего не знают историки Скандинавии о какой бы то ни было долговременной кабальной зависимости лапландцев IX в. от норвежцев или шведов, тем более о попытках распространить ее на биармов.

Авторские пассажи о «низшей расе», «желтолицых лапонах-гвеннах», «генетическом» презрении вестфольдингов-викингов к «грязному» крестьянскому труду мужиков-бондов и т. п. навеяны, конечно же, были пропагандистскими клише послевоенной советской литературы, причем заметно, что автор приписывает древним скандинавам поведенческие черты немецких нацистов XX в. А подсчет конунгом своих массовых потерь в битвах с новгородцами очень напоминает прозаическое изложение картины Кукрыниксов «Последние дни в ставке Гитлера»¹⁰¹.

Если же оценивать романы В. Иванова с точки зрения жанра, то следует признать его «Повести древних лет», «Русь изначальную» и «Русь Великую» произведениями «фэнтэзи». А его представления о Скандинавии и Северной Руси IX столетия – это своеобразно оформленный авторский вымысел, мечты о далеком прошлом, похожие на современное «славян-

---

¹⁰¹ Цит. по: Пашуто В. Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе // История СССР. 1963. № 1.

ское фэнтэзи» («Волкодав» Марии Семеновой и т. п.). Если же искать аналогии в советской литературе, то он схож, пожалуй, с Леонидом Соловьевым, автором «Повести о Ходже Насреддине», показавшим не реальный Восток, а сказочное русское представление о нем.

Реанимацию же подобных фантазий о «дружбе народов» мы видим в современном романе А. Загорного «Каменная грудь» (2008). Здесь уже нет «народного государства», зато читателю предстоит узнать, что в эпоху Святослава русские князья, оказывается, запрещали «брать добычу» с покоренных ясов и касогов. Не менее странной выглядит болгарская политика Киева. Ожидая клича «На Царьград», именитые не перестают «восхищаться доблестью болгар, защищавших свои границы». А сам Святослав, не допускающий (во время похода!) «пограбления Болгарии», говорит о болгарях: «Болгары нам не враги, болгары нам братья». Во время странного этого похода воины говорят, что «поскольку на Дунае сплошь русские города нашего воздвижения, с нашим народом – добычи никакой быть не может» и вообще – надо «слиться с болгарями». Русь если и «ходила в походы», то войн не вела.

А в собственно русской истории с 30-х гг. XX в. стали доминировать князья и полководцы. Назовем лишь некоторые произведения: «Юность полководца» В. Яна (об Александре Невском), «Даниил Галицкий» А. Хижняка, «Ратоборцы» А. Югова, «Евпатий Коловрат» В. Ряховского, «Багратион» С. Голубова, «Флотоводец Ушаков» Г. Шторма и «Адмирал Ушаков» Л. Раковского, его же «Генералиссимус Суворов»; «Адмирал Ушаков» А. Штейна; поэма К. Симонова «Ледовое побоище» (об Александре Невском).

Среди князей, царей и императоров, кроме Петра I и Ивана Грозного, поощрялись лишь Иван Калита, Иван III – собиратели и объединители, да Александр Невский и Даниил Галицкий – ратоборцы (по одноименному роману Югова).

Как изменился облик и оценка деяний этих героев истории очень показательно иллюстрирует. Иван III – фигура в русской истории, пожалуй, не менее значительная. В романе В. Язвицкого «Иван III – государь всея Руси» (1946–1955) мы его находим гениальным с отрочества. Уже в 9 лет он «дивно

разумен. Велик телесами и разумением, будто и не отрок, а парубок». Окружающие Ивана не перестают восхищаться его умом и знанием «хитрости книжной» («духом ты и разумом не отрок, а яко юноша зело мудрый»), «взрослости не по годам» («лет двенадцати... глядел совсем как взрослый»). В 13 лет наш «отрок» уже «выше и дородней» отца, а умом он «не токмо мужиков, но и стариков умней». «Телесность» царствующего отрока прямо-таки сказочная – появляется борода, «а усы и ранее того». В тринадцатилетнем возрасте впервые вкушает будущий царь «сладость любовных ласк» (разумеется, «вдовушка», с которой он бурно проводит время, заявляет: «Чай тебе не более семнадцати лет?»). Рассуждает тринадцатилетний Иван совершенно как зрелый муж о семье, детях и царском своем долге...»¹⁰². Это только начало – за таким царем читателю предстоит следовать все полторы тысячи страниц романа.

Подобное отношение к «историческим личностям» традиционно читается на фоне параллельно развивавшейся сталинианы и ленинианы, добавим и марксианы (уже упоминавшиеся выше романы Г. Серебряковой).

Кстати о революционерах. Вся стратегия советского переписывания русской истории была стратегией перебалансировки основных компонентов, из которых слагалась «правдивая историческая картина» (например, цари хороши, а царизм – плох; крестьянские восстания хороши, а сами восставшие, наоборот, не понимали, кто их истинный враг; «царская Россия – тюрьма народов», но одновременно – присоединение к ней «национальных окраин» прогрессивно; бюрократия плоха, а централизация «исторически необходима»).

Именно картина социальных отношений в советском историческом романе 30–50-х гг. подвергается самому решительному пересмотру. Возьмем для примера роман Д. И. Петрова (Бирюка) «Дикое поле» (1945) в его центре восстание Кондратия Булавина. Оказывается, впрочем, что Булавин (лично симпатичный) мало чем отличается от изменников,

---

¹⁰² Цит. по: Пашуто В. Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе // История СССР. 1963. № 1.

коиими окружены прогрессивные русские цари, ибо его восстание наносит вред национально-государственным интересам страны. С самого начала восстания Булавин сомневается в правильности своих действий против царя: Правильно ли они поступают, замышляя здесь заговор против царских полковников и дьяков, в то время, как царь напрягает огромные усилия, защищая страну от шведов? Нехорошо, – решает Булавин. – Вольно или невольно, а своим заговором он помогает врагу. Петр при этом изображается «народным царем», рассуждающим о благе народа и вере в него. Изъясняется царь при этом следующим образом: «Хочу я расшевелить разум народный, не для себя хочу мне немногого надо, а для нашей державы, для самого же народа» или: «Сам я, Петрушка, знаю силы свои, верю в них, верю в своих солдат, верю в народ... Но... много злых людишек у нас. Не любят меня, мутят народ... Не понимают того, что Петр не о себе печется, а о народе своем»¹⁰³. В течение всего романа перед нами разыгрывается удивительная драма: автор пытается примирить восставших с царем. В результате Петр чуть ли не примиряется с восставшими, а Булавин приходит к осознанию ошибочности своей деятельности. Вот как рисует автор сцену накануне самоубийства Булавина: «Много передумал за бессонную ночь Кондрат. Одна за другой лезут в разгоряченную, больную голову мысли. Как грозное видение, встает перед ним мощная фигура царя Петра. Сурово спрашивает у него Петр: «Кондратий, зачем поднял меч супротив меня? Я хочу блага своему народу. Хочу сделать отчизну нашу крепкой и сильной на страх врагам. Моя правда, Кондрат!» Булавин вздрагивает и открывает глаза... «А что, если царь прав?». После долгих и мучительных раздумий Кондрат решает помириться с врагом. Придя к такому решению, Кондрат почувствовал, как на сердце у него полегчало, словно камень, все время давивший его, свалился». Вывод следует неутешительный: «Значит, правда царя побеждает... Видно ошибку я понес...»¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Петров Д. И. (Бирюк) «Дикое поле». Л., 1946. С. 220–221.

¹⁰⁴ Там же. С. 311.

«Ошибку понес» не только герой Петрова-Бирюка. По сути, все исторические романы 1930–50-х годов, посвященные «крестьянским войнам» – «Гулящие люди» А. Чапыгина, «Степан Разин» и «Салават Юлаев» С. Злобина, «Емельян Пугачев» Вяч. Шишкова, «Наливайко» И. Ле, «Повесть о Болотникове» Г. Шторма и другие в той или иной степени содержали ту же коллизию: борьба восставших с властью была борьбой с местными «притеснителями», так что часто кажется, что царь сам бы мог присоединиться к восставшим, и лишь непонятное недоразумение заставляет сражаться друг с другом этих во всех отношениях достойных людей. «Царствующие особы» почти везде выглядят мягкими, либеральными гуманистами-демократами. Так что и не удивляешься, читая, к примеру, в романе В. Язвицкого, как Иван III завещает перед смертью сыну Василию «помнить наиглавное: искать поддержку у народа», или встречаясь в романе Д. Еремина «Кремлевский холм» (1955) об основании Москвы с таким монологом: «Но первое на Руси – это пахари да умельцы. Они созидают дворцы и храмы. Они добывают зверя и птицу, секут леса, засевают и убивают тучную ниву, оберегают родную землю от недругов в час напасти. Слава им, этим людям! Помыслы чистых да честных должны быть с ними! Почто же им выпал такой удел?» Чем глубже мы движемся в историю вслед за советским историческим романом, тем в более «народное государство» мы попадаем. Если из Москвы XII в. перенесемся в Киев IX в. (роман С. Скляренко «Святослав», 1957), то окажемся свидетелями странной картины: оказывается, живущие в невероятной нищете закупы восстают против боярина (но никогда – против князя!), а во время обороны Киева от печенегов холоп так отвечает боярину (прямо по «Коммунистическому манифесту»): «Пошел прочь, боярин..., у тебя своя отчизна, а у нас, бедняков, своя»; соответственно некий рыбак (как будто только что прочел «Государство и революция») заявляет: «Ваша мужицкая воля на конце копья... ее воевать еще надо!». В Киеве произошла настоящая революция – «люди перестали кланяться именитым», но главным «народным заступником» выступает... Святослав. Смерды зовут его «князь-батюшка», и даже «предводитель

народа» Доброгаст (ненавистного боярина, против которого восстали закупы, звали, разумеется, Блудом) «скорее почувствовал сердцем, чем понял: что-то большое, важное крепко связывает его с князем». Из романа С. Бородина «Дмитрий Донской» (1941, Сталинская премия) выясняется, что после Куликовской битвы Дмитрий объезжая княжество, объявлял в городах и селах: «Побежденный хан принужден теперь получать меньше дани, и поэтому вы, люди, будете платить меньше. – Народ встречал князя как героя и победителя».

Русская история (сплошь про добрых князей и царей) в сталинское время необычайно подобрела. Характерно, что это «подобрение» тем сильнее, чем глубже в историю мы погружаемся. И напротив, чем ближе к Октябрю, тем более критика царизма распространяется на самих царей. Так, после Петра мы можем видеть сплошное вырождение романовской династии, идущее по восходящей и завершающееся полным разложением («агонией») российского императорского дома и гибелью государства («Нечистая сила» В. С. Пикуля, хотя и появилась в 80-х гг. целиком иллюстрирует именно эту концепцию). XIX в. весь превращается в историю «трех этапов русского освободительного движения». Причем ленинская схема подвергается тому же пересмотру, что имел место в связи с «крестьянскими войнами», с той лишь разницей, что теперь оппозиция «сознательность – несознательность» распространяется не на крестьян и казаков, но на персонажей «трех этапов» (декабристов, разночинцев, народников). Подобная перемена также имела свою логику. Поскольку главная – государственная – задача оказывается после Петра выполненной, русские правители потеряли кредит «исторической прогрессивности». Сама русская революция в этой исторической схеме приобретает чисто государственное измерение. Ее антигосударственный пафос совершенно нивелируется. Напротив, революция спасла русское государство от превращения в колонию европейских империалистических держав. В русской истории содержится попытка решения основных проблем сталинской эпохи: личной власти, государственного заговора, экономического скачка, укрепления государственности, централизации и расширения государства,

его внутреннего единства. Борьбы с внутренними и внешними врагами? Этой проблематикой – без преувеличения – полностью исчерпывается набор сюжетов «занимательной истории». Потому-то советская историческая наука, так же как и исторический роман, пьеса или фильм, оказалась сплошным историческим маскарадом. Петр I должен был представлять большевистскую индустриализацию, борьбу с изменой и внедрять мысль о прогрессивности мощного централизованного государства.

Глава 9

«Доносчики»

Мы все лауреаты премий,
Вручённых в честь его,
Спокойно шедшие сквозь время
Которое мертво...
Таившиеся друг от друга,
Не спавшие ночей,
Когда из нашего же круга
Он делал палачей...
И очевидность этих истин
Воистину проста.
Мы сраму не таим,
И не мертвец нам ненавистен
А наша немота.

П. Антокольский

В эмигрантском «Социалистическом вестнике» (Нью-Йорк, 1963. № 5–6) и в «Русской мысли» были опубликованы под криптограммами две статьи ленинградского ученого Ю. Г. Оксмана. В них были названы имена Ермилова, Лесючевского, Самарина, А. Сафонова, Я. Эльсберга, как доносчиков в «органы». Статьи заканчивались так: «После разоблачения... литературная и научная общественность рассчитывала, что будут дезавуированы и исключены из Союза писателей и другие разоблаченные после XXII съезда клеветники, виновники гибели в 1937–1952 гг. сотен советских поэтов, прозаиков и ученых. Однако эти надежды не оправдались. По прямому распоряжению Ф. Козлова (секретарь ЦК КПСС) и его

помощника Д. Поликарпова, заведующего отделом литературы и искусства при ЦК, были прекращены все «дела» даже самых известных предателей, клеветников и палачей»¹⁰⁵.

Попробуем же извлечь из этой кипы «грязного белья» и ещё несколько одиозных имен. Одним из первых выплывает имя Г. И. Мирошниченко – руководителя в 1937–1938 гг. партийной организации ленинградского отделения СП СССР. Вот образчики его выступлений в самые страшные 30-е и 40-е гг. «Я считаю, что Городской комитет партии допустил ошибку в отношении Кетлинской (В. К. Кетлинская – прозаик, автор романов «Мужество» и «В осаде», лауреат Сталинской премии. – *Прим. авт.*) вплоть до ее выдвижения в Ленинградский Совет и в части того, что она оказалась на Путиловском заводе... Мы никак не можем А. А. Прокофьева поставить на место и заставить выполнить решение ЦК партии. Он не хочет этого делать, он попирает ногами решение ЦК (!)... Прокофьев... занялся тем, что <бы> опять ввести к нам Зощенко, сделать его ближайшим преемником (!). Здесь выступал Федоров. Я глубоко потрясен той трагедией, которую переживает этот человек ... В момент опалы Федоров получает орден за свою работу... Начинают изобретаться самые возмутительные вещи вплоть до того, что Федоров сам выпросил себе орден... Гуковский (Гуковский Г. А., профессор, д-р. филол. наук, заведующий кафедрой филологического факультета ЛГУ, брат репрессированного М. А. Гуковского, одного из крупнейших специалистов по истории Возрождения)... – главный идеолог в Союзе писателей, и Прокофьев опирается на него. Гуковский выступает против того, что существует ленинградская тема. Мне кажется, что для него вообще никакой советской темы не существует... Не нужно забывать, что рядом с Гуковским находятся Томашевский, Жирм<у>нский... Фадеев сказал, что в Ленинграде целая цитадель формализма, которая остается в тени, незатронутая, проводящая

---

¹⁰⁵ Цит по: Сталинисты среди советских писателей и ученых // Русская мысль. Париж, 1963. 3 июля.

меньшевистские взгляды... буржуазные последователи творят своё пагубное дело в литературе...»¹⁰⁶.

Даже на возмущенную реплику секретаря горкома ВКП(б) Н. Д. Синцова: «Нам очень хорошо известна ваша специальность по изничтожению писателей-коммунистов, авторитет <которых> значительно выше, чем авторитет некоторых... критиков... должен еще раз напомнить вам слова Попкова (Первого секретаря Ленинградского обкома партии. – прим. авт.), что мы будем отнимать партийные билеты, <за склопничество>». Мирошниченко, словно зная, что через три месяца начнется печально знаменитое «ленинградское дело», продолжает угрожать: «...вы взяли на себя смелость так сказать... какое право имеете вы так сказать... я попытаюсь сделать все, что бы выполнить решения <партии>»¹⁰⁷. И защитник писателей Синцов и цитируемый им секретарь ОК ВКП(б) исчезли в сталинской мясорубке 1949 г. А доносчик продолжал процветать. Уже после ареста «ленинградской группы» он продолжает нападки на Ю. Германа, А. Прокофьева, В. Лифшица, В. Кетлинскую, А. Гитовича, В. Шефнера.

Для нашей темы интересно вспомнить, что Мирошниченко был автором пухлого исторического романа «Азов» и детской повести из истории Гражданской войны «Юнармия», удостоившейся одобрительных отзывов А. М. Горького и Нобелевского лауреата Р. Роллана: «Ваша маленькая книга, которую я прочел с величайшим интересом, очень трогательна. Я должен сказать, что несмотря на то, что это – книга для детей, она одна из самых трогательных, которые я читал о гражданской войне, имевшей место в вашей стране. Эта небольшая книга еще раз показывает нам, как в вашей стране создается новое человечество, сознательное и свободное. Последние страницы, где вы рассказываете о том, что случилось потом с вашими товарищами и вами самим, желающим “идти вперед”, доставили мне самое большое удовольствие. Жму вашу руку, дорогой товарищ, и желаю вам удачной работы,

---

¹⁰⁶ Цит. по: Золотоносов М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация : избр. стенограммы с комментариями. М. : НЛО, 2013. С. 29–30.

¹⁰⁷ Там же. С. 31.

здоровья и сил»¹⁰⁸. Подчеркивается: «В годы гражданской войны шестнадцатилетний Григорий Мирошниченко – командир молодежного кавалерийского полка, участвовавшего в боях с бандами на Северном Кавказе. Вместе с Красной армией он прошел путь от Кубани до границ Ирана ¹⁰⁹.

Попробуем же и мы пройти по извивам биографии этого «героя гражданской войны». В двух вариантах своей автобиографии Мирошниченко подчеркивает: «...В 1920 г., с приходом частей Красной Армии на Кубань...ушел добровольцем... служил рядовым разведчиком в 11-й армии, 28-й стрелковой дивизии... в 1921 г. демобилизовался...» (1939 г.). В 1952 г. заполняя личную карточку члена СП СССР, он вновь повторяет: «...прошел в качестве рядового конного разведчика по всему Северному Кавказу...»¹¹⁰.

Когда же в биографию были вставлены факты а la Аркадий Гайдар? Скорее всего, когда Мирошниченко окончательно переехал в 1974 г. в Азов и стал там «почетным гражданином города» и «ветераном революции и Великой Отечественной». Но почему преуспевающий писатель автор более 20 романов, повестей и рассказов уехал из столичного города в тихую провинцию? Вот здесь-то и начинается реальная история полного нравственного распада и предательства.

Критик зло иронизирует: «В спектакле “Персональное дело Г. И. Мирошниченко”, который тянулся с 1961 г. герой стал воплощением полного разрушения коммунистического идеала. Как если бы Павка Корчагин или сам Николай Островский, дожив до шестидесяти лет вдруг оказался подонком, перерожденцем, который нарушал «Моральный кодекс строителя коммунизма», избивал мать и жену и активно писал ложные доносы в 1937 и 1949 г.»¹¹¹. Позитивность и негативность советских биографий в равной мере распространялась и на персонажи литературы, и на реальных людей.

---

¹⁰⁸ Цит. по: <http://nevinka.library.ru/townsmen/mirochnichenko.php>.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Цит. по: ЦГАЛИ. СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 33. Л. 96–97.

¹¹¹ Золотоносов М. Н. Указ. соч. С. 15.

Прежде всего, широко растиражированное советской прессой в 1936 г. письмо Р. Роллана к Мирошниченко появилось в газете «Литературный Ленинград» 1-го апреля (!) (затем в «Правде» за 04.04, и было перепечатано в газетах Грузии, Армении и Абхазии) печаталось не полностью. Здесь мы опять же сделаем отступление, как это нередко бывает, судьба правоверного большевика не случайно пересеклась с великим писателем. Общеизвестно, что последние годы Роллана были неразрывно связаны с его женой Марией (Майей) Кювилье, в первом браке княгиней Кудашевой. Вдова офицера Белой армии, имевшая на руках маленького ребенка, старую мать и свекровь из «бывших», работавшая до 1932 г. личным секретарем и представителем президента Государственной академии художественных наук (ГАХН), Петра Соломоновича Когана была, по воспоминаниям Цветаевой: «в тяжелые послереволюционные годы ангелом-хранителем поэтов» и «ходатаем по их земным делам»¹¹².

С детства она была двуязычной: и русский, и французский были для нее родными языками; в юности она в совершенстве овладела английским и немецким. Понятно, что у Кудашевой были весомые причины для выражения подчеркнутой лояльности Советской власти: Опекa и заступничество Когана и государственная служба гарантировали ее семье относительный покой и материальный достаток. Помимо выполнения своих секретарских и представительских обязанностей в ГАХНе, Кудашева по-прежнему писала оригинальные стихи, много переводила (в сборнике «Революционная поэзия современные поэты Запада» (1927) были напечатаны переведенные ею стихи Жоржа Дюамеля, Шарля Вильдрака, Марселя Мартине. Когда в Россию приезжали Дюамель и Люк Дюртен, Кудашева сопровождала их по Москве, много им помогала. Конечно, такая личность не могла остаться вне поля зрения ОГПУ, особенно, когда она вступила в переписку с Ролланом, стала по настоянию писателя, его представителем в переговорах с советскими издательствами, а затем при

---

¹¹² Цветаева М. И. Письма. Ч. 1. М. : Эллис Лак, 2010. С. 69.

поддержке Горького в 1929 г. уехала и в 1931-м вышла за него замуж. Ее родные оставались в СССР и она вынуждена была выполнять «просьбы» той стороны ¹¹³.

Так вот, в опубликованном письме к Мирошниченко, в оригинале опущены следующие строчки: «...простите, что я только сейчас отвечаю на ваше письмо, написанное месяц тому назад. У меня мало свободного времени, я завален всевозможными срочными делами и случается, что моим корреспондентам приходится ждать по нескольку месяцев. Ваша маленькая книга, которую моя жена прочла с величайшим интересом и содержание которой она мне рассказала (некоторые места она мне перевела)», То есть Роллан по-русски не говорил, и не читал, а для Майи прочесть книгу, действие которой происходит на Кубани, где погиб ее муж, конечно было интересно. М. Золотоносов высказывает обоснованную гипотезу, что, готовя своего кандидата на роль вождя ленинградской литературы, НКВД вполне мог задействовать и своих зарубежных «агентов влияния». Письмо Нобелевского лауреата, «лучшего друга СССР» стало авторитетной рекомендацией. Через год Мирошниченко уже «политкомиссар» ЛО СП СССР. События начала 60-х заставляют нас, чтобы понять, за что так ненавидели Мирошниченко ленинградские литераторы, вернуться еще на 15 лет назад. Сам Мирошниченко говорит о своей роли в разоблачении «метастаз авербаховщины», т. е. когда после ареста вождя РАПП Л. Авербаха была арестована беременная Ольга Бергольц, расстрелян ее первый муж Борис Корнилов, погибли несколько десятков видных представителей ленинградской литературы и науки. Мирошниченко упоминает «разоблаченных мною Свирина, Горелова (литературный критик), Беспмятного, Спиридонова, Олейникова (имеется в виду поэт-сатирик Н. Олейников – друг Н. Заболцкого и Д. Хармса. – *Прим. авт.*). Но поскольку протоколы партийных собраний ЛО СП СССР за 1937–1938 гг. уничтожены ¹¹⁴, а «честь» разоблачения врагов за это время

---

¹¹³ Флейшман Л. С. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2007. С. 224–225.

¹¹⁴ См. Золотоносов М. Указ. соч. С. 125–126.

приписывают себе другие «бдительные» точных ответов у нас пока нет. Так, на роль «разоблачителя» мог претендовать и критик Плоткин, после статьи которого в «Ленинградской правде» (18.03.37) Б. Корнилов был арестован ¹¹⁵.

В дневниковых записях Ольги Бергольц (13.10.36) есть такая фраза: «Мишка <Чумандрин> и абсолютный болван Гриша Мирошниченко неправы, когда говорят, что надо было в первую очередь ударить по Маршаку и изобразить его главной опасностью в детской лит<ературе>» ¹¹⁶. Чумандрин в чистках все-таки уцелел и честно погиб в бою. Но 11 ноября 1937 г. «...в стенах Ленинградского Союза писателей состоялось общее собрание детской секции под председательством Г. Мирошниченко... нашлись среди учеников Маршака и такие, что с готовностью присоединились к клевете на своего учителя... Только три человека не изменили ни себе, ни своим, брошенным в тюрьму товарищам. Это Маршак ни единым словом не отказавшийся от своих учеников. Это писательница Лидия Будогосская, не побоявшаяся... крикнуть на весь зал: «Все это ложь!». Это муж Тамары Григорьевны Габбе – Иосиф Израилевич Гинзбург. Он пришел на собрание, что бы защитить меня (жену защищать он не мог), и передал в президиум заявление (указав свой адрес и телефон), в котором обвинял Мирошниченко в лживости и двурушничестве. А в доказательство приложил снимок с титульного листа книги... «Юнармия», где автор в восторженных выражениях благодарит меня за помощь в работе. Мирошниченко встал и произнес...: «Товарищи, на это собрание проник террорист и бросил бомбу!» Два «молодых человека в штатском» подошли к Иосифу Израилевичу и вытолкали его из Дома писателя» ¹¹⁷. В те же дни «ленинградский цензор Чичивелов (до этого он был редактором детской книги Мирошниченко «Винтовки») написал подробный донос на всю детскую редакцию, в кото-

---

¹¹⁵ Авербаховщина в Ленинграде // ЛГ. 1937. 10 мая.

¹¹⁶ Бергольц Ольга. Запретный дневник. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 79.

¹¹⁷ Любарская А. И. За тюремной стеной // Ленинградский мартиролог: 1937–1938. СПб., 1998. Т. 3. С. 565–566.

рой до этого работал, не преминув отметить, что Маршак, в молодости «писал сионистские стихи» ¹¹⁸.

Маршак спешно уехал в Москву. «Несколько писателей: Григорьев, Голубева (автор неоднократно переиздаваемой детской книги о Кирове «Мальчик из Уржума». – *Прим. авт.*), Мирошниченко – выступили на открытом партийном собрании с заявлением, что Маршак – английский шпион. Доказательства? Помогал японскому собрату, долго жил в Англии (где его, по всей видимости, и завербовали), постоянно переводит с английского. Разве недостаточно? В адрес Самуила Яковлевича полетела телеграмма: «Гражданин Маршак! Прошу дарственную надпись на моей книге считать недействительной. Григорий Мирошниченко» ¹¹⁹. В Москве профессор Сперанский, что бы уберечь, спрятал его к себе в клинику. Дочь А. Д. Сперанского была женой сына Маршака.

Именно после вызова в кабинет Мирошниченко 19 марта 1938 г. был арестован и на 8 лет исчез в лагерях Николай Заболоцкий ¹²⁰.

В 1949 г. Мирошниченко и его сподвижники мертвой хваткой вцепились в экс-секретаря ЛО СП СССР, лауреата Сталинской премии III степени (1948), депутата Ленсовета В. К. Кетлинскую. Дочь контр-адмирала Казимира Федоровича Кетлинского, загадочно убитого в Мурманске в 1917 г. (видимо англичанами) обвинили:

1. В том, что она скрыла «белогвардейское прошлое» своего отца.

2. В том, что в 1926 г., будучи комсомольской активисткой, голосовала за «зиновьевскую» резолюцию (ей было 19 лет).

3. А главное, в том, что поддерживала связь с «врагом народа» С. Лозовским (бывший председатель Совинформбюро, арестован по делу ЕАК) и не «раскусила» преступных замыслов своего мужа, литературоведа Зонина (в чем, впрочем, Кетлинская тут же покаялась и отреклась от «бывшего троц-

---

¹¹⁸ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой. СПб., 1996. С. 77.

¹¹⁹ Друскин Л. С. Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. Л., 1984. С. 64–65.

¹²⁰ См. Заболоцкий Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М.: Согласие, 1998. С. 257.

киста» и «меньшевиствующего идеалиста», Зонин был уже арестован). Однако исключить из партии депутата и лауреатку, а главное протееже самого Фадеева все-таки не осмелились, в итоге она отделалась строгим выговором, что по тому времени было почти «прощением».

Зато Вера Казимировна полной чашей отплатила Мирошниченко в 60-х гг. В итоге Ленинградская организация рассматривала три (!) персональных дела Мирошниченко, но только не за доносы и клевету на «собратьев во литературе». Партийное бюро при активном ее участии, предъявило Мирошниченко обвинение:

1) в сокрытии причин своего увольнения с Балтфлота в 1945 г., так как рассматривался случай изнасилования эстонской гражданки, но виновник уломал командование уволить его «по собственному желанию»;

2) в систематическом пьянстве и избиениях своей жены-инвалида;

3) а главное, в систематических утаиваниях членских партийных взносов со своих гонораров и сдаче в аренду под жилье своей дачи, что естественно рассматривалось, как «рецидив частнособственнических инстинктов» и «извлечение нетрудовых доходов».

После этого «злодей Ерошка» уже не был партийным начальником, ему как ранее его врагу – Кетлинской, исключение заменили «строгачём с занесением» (по Галичу). Взыскания сняли только в 1967 г.

Тем не менее, роман «Азов» вышел в «Воениздате» в 1949 г., в 1960-м появилась вторая книга «Осада Азова», третья «Слава Азова» осталась незаконченной. Вторая книга трилогии была посвящена «азовскому сидению» (1637–1642), а третья должна была описать азовские походы Петра I. Автор благоразумно пропустил вторую половину XVII в., когда донские казаки, запертые после возвращения Азова турками на Нижней Волге и на Каспии, грабили персидские и русские торговые караваны, а затем были основной движущей силой разинского восстания. Но групповая «холодная война» в ленинградской писательской организации неожиданно отразилась в мифологических образах очень слабого

исторического романа: «Вскоре явились новые неожиданные гости. К вечеру, когда зашло солнце, со всех ближайших гор... поползли, извиваясь клубками змеи, гадюки горные, гадюки медвяного цвета, гадюки черные. Были змеи с пестрыми и розовыми головками, медянки бронзоголовые, красноголовые змеи, бледноголовые угри, пещерные гады с бурыми головами, пепельные... Шипят, жала высунув, скручиваются в клубки, прыгают, выгнув поблескивающие на солнце (солнце же уже скрылось! – *Прим. авт.*) извивающие спины... Из долины переползли к дворцам. Подползли через стены, под ворота. Несметная сила. Каждый кусточек шевелится... Тут-то и нашлась работа розовым скворцам. < >

Они поднялись тучей, и всё небо стало где темно-розовым, где светло-красным. Тревожный крик скворцов слышался над городом протяжно, звонко. Они поднимались то высоко, то с шумом проносились над самой землёй... Город затих в каком-то оцепенении и страхе. И вот начался бой. Скворцы, сорвавшись сверху, бросались на врагов, клевали ползучих гадюк. Ударит клювом маленьким в голову змеи – отскочит. Ударит снова – вскрикнет. Опять ударит. Змеи шипят, клубятся, извиваются, бросаются на птиц. А птица, как стрела, вопьется и спорхнет. Кучками, по пять и больше – клюют, клюют, щебечут. Проклёвывают затылки ядовитым гадам. Убьют – бросают, других клюют. Хвосты змеиные выются в смертельной судороге. Бой длился долго. Ожесточились и змеи и птицы. Обильной кровью покрылась земля... Когда бой кончился, скворцы поднялись к небу, а уцелевшие змеи уползли куда-то. На... улицах, в садах... всюду лежали мертвые змеи, а рядом окровавленными комочками валялись скворцы... Утром улетели – никто их больше не видел...»¹²¹.

Кого понимал автор под омерзительными гадами? «Безродных космополитов» вообще или своих врагов в ленинградской писательской организации. Можно только гадать.

В итоге мы выяснили, что и «Историю ленинградских фабрик и заводов» (идея Горького) Мирошниченко не редак-

---

¹²¹ Мирошниченко Г. И. Азов. Л.: Воениздат, 1949. С. 198.

тировал, а занимал в редакции странную должность «начальник массового отдела». Редактором был всемогущий (тогда еще!) вождь РАПП Л. Авербах. Так что вряд ли жители Азова смогут гордиться таким «почетным гражданином».

Но уже в 1981 г. извивы биографии писателя пересеклись с самим «Гениальным генеральным» (т. е. с Леонидом Ильичем Брежневым). Этот комический (впрочем, кому как!) эпизод в «застойном» Ленинграде назвали «последним выстрелом «Авроры». Может быть, кто-то вспомнит, что так назывался комсомольский, молодежный журнал. И вот в это, как «кур во щи», попал замечательный детский писатель Виктор Голявкин, славившийся абсурдными, сюрреалистическими, фантастически смешными рассказами, ходившими в самиздате. Говорили, что Евтушенко, увидев в Париже сюрреалистические пьесы Ионеско, воскликнул: «Да все это в Ленинграде давно пишет Витька Голявкин!». Рассказы эти переписывали, пересказывали, цитировали не только в Ленинграде, но и в Москве.

Вера Панова, – восхищавшаяся его рассказами, посоветовала автору писать для детей: «Эти рассказы никогда не напечатают, а детские – может быть». Его первая детская книжка «Тетрадки под дождем» вышла в «Детгизе» в 1959 г. с его же рисунками. Она имела огромный успех, породила массу подражателей. Потом появились «Наши с Вовкой разговоры», «Паровозик в небе», «Рисунки на асфальте», «Города и дети». Рассказы печатались в букварях, переводились на многие языки. Создавались фильмы по его сценариям – «Боба и слон», «Мой добрый папа» с Людмилой Гурченко и Александром Демьяненко в главных ролях. А через 10 лет вышла первая книжечка его взрослых абсурдистских рассказов «Привет вам, птицы!». Знаменитый детский писатель многое переписал, причесал, вообще не вставил в книжку. Он боялся скандала, чтобы не «задробили» «Арфу и бокс». Эта замечательная взрослая повесть вышла в 1970 г. К этому времени писатель перенес тяжелейший инсульт и практически ничего не писал. Его жена приносила в журналы старые ненапечатанные рассказы. Один из них – «Юбилейная речь» – взяли в журнал «Аврора», в отдел юмора, переносили из номера в но-

мер, забыли его содержание и поставили... в юбилейный номер, посвященный 75-летию Брежнева. А это было событие «всесоюзного» масштаба. Всенародно праздновали юбилей не только генсека, главы правительства, верного ленинца, выдающегося борца за мир, но и, главное, выдающегося писателя: за книжечку «Малая земля» он был принят в Союз писателей, получил Ленинскую премию по литературе. Напечатанная миллионными тиражами на всех языках мира, она читалась по радио и телевидению, изучалась в школах, институтах, на бесконечных семинарах, газеты ежедневно печатали отзывы читателей, восторженные письма ветеранов, журналистов, писателей, рабочих и колхозников, генералов и академиков... в истории литературы вообще не было ничего подобного.

Именно в этом юбилейном номере и по случайному совпадению именно на 75-й странице и появился этот злополучный рассказ Виктора Голявкина, давно написанный, никакого отношения к Брежневу не имеющий. Приведем цитату из него: «Трудно представить себе, что этот чудесный писатель жив. Не верится, что он ходит по улицам вместе с нами. Кажется, будто он умер. Ведь он написал столько книг! Любой человек, написав столько книг, давно бы лежал в могиле. Но этот – поистине не человек! Он живет и не думает умирать, ко всеобщему удивлению. Большинство считает, он давно умер, – так велико восхищение этим талантом. Ведь Бальзак, Достоевский, Толстой давно на том свете, как и другие великие классики. Его место там, рядом с ними. Он заслужил эту честь! Он сидит передо мной, краснощекий и толстый, и трудно поверить, что он умрет. И он сам, наверное, в это не верит. Но он, безусловно, умрет, как пить дать. Ему поставят огромный памятник, а его именем назовут ипподром, он так любил лошадей. Могилу его обнесут решеткой. Так что он может не волноваться. Мы увидим его барельеф на решетке.

Позавчера я услышал, что он скончался. Сообщение сделала моя дочка, любившая пошутить. Я не скрою, почувствовал радость и гордость за нашего друга-товарища.

– Наконец-то, – воскликнул я, – он займет свое место в литературе!

Радость была преждевременна. Но я думаю, долго нам не придется ждать. Он нас не разочарует. Мы все верим в него. Мы пожелаем ему закончить труды, которые он еще не закончил, и поскорее обрадовать нас. (Аплодисменты)».

Нетрудно себе представить масштаб разразившегося скандала. Главный редактор Горышин и редактор отдела были уволены. Имя писателя на много лет было вычеркнуто из литературной жизни. Только в 1985 г. вышла его книжка «Калейдоскоп», первая после запрета. И хотя уже давно умер Брежнев, а годы его правления официально называли «застольными» и «застойными», рассказ «Юбилейная речь» в последний момент из книжки убрали. На всякий случай. Сотрудники журнала единодушно утверждают, что, помещая рассказ, они имели в виду Григория Мирошниченко.

Еще одной приметной птицей в стае «розовых скворцов» был писатель Евгений Александрович Федоров (1897–1961), пришедший в СП в 1936 г. со сборником юмористических рассказов «Воронья кобыла». Также участник Гражданской войны, выпускник Института красной профессуры, даже проработавший некоторое время ученым секретарем Института экономики АН СССР, хотя его дореволюционное образование исчерпывалось Военно-топографическим и Землемерным училищами. И хотя первые литературные опыты Федорова относятся еще к началу 20-х (несколько стихотворений и рассказов в 1916–1917 гг. в приуральских газетах и журналах и ряд рассказов о жизни русской деревни до и после революции в журнале «Крестьянка»), но для выхода из семьи крестьян-бедняков у него уже был другой более ценный опыт, армейского политработника и партийного чиновника. В своей анкете для личного дела он подчеркивает командование эскадром им. Степана Разина в Чапаевской дивизии в 1918 г. тяжелую контузию, несколько лет работы в землеустроительных организациях Белоруссии, Крыма, Урала, сдачу экстерном (?) экзамена на звание инженера и, что самое важное, руководящие должности на партийной и хозяйственной работе (Горьковская обл., Ростов-на-Дону, Ленинград). Впрочем

все эти этапы боевого и трудового пути еще нуждаются в серьезной проверке историка ¹²². Но вот цитаты из его выступления на общегородском собрании работников литературы и издательств 16 августа 1946 г. после памятного «Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Федорова вообще не волнуют партийные решения, Ахматову он даже не упомянул, а Зощенко кратко обругал. Он лишь попытался воспользоваться присутствием А. А. Жданова, чтобы добиться преимуществ для себя лично: «...У нас в Союзе писателей существует ряд группировок... я не принадлежу ни к одной, поэтому я изгой, я отверженный. Вначале меня считали сумасшедшим, но это не подошло, потому что сумасшедшие не могут писать романы... тогда на смену выдвинулось новое – кустарь-одиночка... все же я страдал и страдаю из-за такого группового руководства... Может быть, поэтому ни «Ленинградская правда», ни «Вечерний Ленинград», ни тем более журналы «Звезда» и «Ленинград» не печатают меня и замалчивают, как будто я не существую на свете...» ¹²³. На его обвинения ответил главный функционер А. Прокофьев: «...Все это началось с того момента, когда я написал статью в «Ленинградскую правду» о книжке Е. А. Федорова «Гроза над Шелонью». Я прочитал эту книжку и она меня возмутила своей пошлостью... В этой вещи есть совершенно неудобоваримые страницы натуралистического характера, которые никак не вяжутся с тем, что мог написать советский писатель...» ¹²⁴. Далее он продолжает свою отповедь: «Евгений Александрович! Когда Вы кончите этот поток заявлений, идущий во все организации?! Как-то, будучи в Москве, я встретил... бывшего редактора «Известий»... который мне рассказал, что Федоров написал заявление К. Е. Ворошилову. Если собрать все заявления, которые пишет Федоров, получился бы целый том...» Его поддержал другой литературный функционер Г. Хлопов: «Известно, что вы ходите и пишете непрерывный поток ваших заявлений, которые... несправедливо тянутся и по сей

---

¹²² Цит. по: ЦГАЛИ. СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 211. Л. 83–84.

¹²³ Золотоносов М. Указ. соч. С. 26–27.

¹²⁴ Там же.

день (стилистика стенограммы сохранена. – *Прим. авт.*). Вы начали это практиковать с 1939 года» ¹²⁵. Еще одно вступление: «...считаю, что поведение Федорова – это зло. И сегодня на моем первом партийном собрании мне стыдно, что сидят...коммунисты, писатели и тратят 9 часов (!), что бы разобраться в мутной воде, которую льет Евгений Федоров...» ¹²⁶. Но Федоров не сдается: «...Что сделало руководство Союза по осуществлению исторического постановления ЦК? Прокофьев, Герман и их группа во главе своей работы...поставили свои личные, групповые интересы... травили, загоняли в тупик и оголтело мстили...» ¹²⁷.

У читателей может сложиться мнение, что ленинградские литературные бонзы, прямо травят «выходца из народной гущи». А ведь и ранний Прокофьев в стихах, и Ю. Герман (роман «Наши знакомые», повести «Жмакин» и «Лапшин», по которому его сын впоследствии поставил знаменитый фильм «Мой друг Иван Лапшин») были не самыми плохими ленинградскими литераторами. А вот о творческих достижениях Федорова этого не скажешь. В 1940 г. его «Картлийская повесть», посвященная естественно Вождю к грядущему 60-летию, должна была резко повысить и его материальный уровень, и престиж. Союз писателей срочно через Литфонд выделил Федорову деньги на командировку «по Сталинским местам» в Грузию и Азербайджан, а книгу выпускали «сверхмолнией» к предстоящей областной конференции ВКП(б). Когда ее через «Госиздат» в количестве пяти экземпляров передали Генсеку, то сам Сталин неожиданно отозвался так: «т. Жданов! Т. Пospelов поступил глупо и неприлично, заказав Федорову книгу обо мне без моего согласия (и ведома). Книгу Федорова нужно ликвидировать, как халтурную, а Пospelову дать надрание. 17. IX-1940» ¹²⁸.

Конечно, после такого фиаско к Федорову действительно относились как к «городскому сумасшедшему» и всячески

---

¹²⁵ Золотоносов М. Указ. соч. С. 26–27.

¹²⁶ Там же. С. 218.

¹²⁷ Там же. С. 29.

¹²⁸ Большая цензура... С. 524.

затирали. Пока во время «борьбы с низкопоклонством» он не примкнул к группе Мирошниченко и стал штатным разоблачителем «безродных космополитов» в Союзе писателей.

Чтобы окончательно разобраться в литературных качествах прозы Федорова, приведём лишь небольшой фрагмент из его повести о карельских партизанах «Гроза над Шелонью». Одна из основных героинь несостоявшейся трилогии партизанка Зельма. В ее внешности, многое, как метко замечает критик, напоминало библейскую Марию Магдалину: «Вся земная. Широкие бёдра под туго натянутым шерстяным платьем колыхались на ходу. Слегка курносая, задорная, она при смехе закидывала курчавую золотистую шевелюру и, как сильный и весёлый зверь, скалила ровные белые, как кипень зубы. Смех её был безумный, весёлый и многообещающий. Она не любила женского общества и держалась мужчин. С ними она обращалась бесцеремонно и всегда волновала своей смелостью. Она подходила вплотную к собеседнику и, не щадя его возраст и положение, наступала так, что тугие груди её касались его. Горячим дыханием она обдавала человека, волновала его...»¹²⁹.

Такая сексапильная Зельма – весьма странный персонаж, чужеродный для советской прозы по многим причинам: от открытой сексуальности, неправдоподобной для партизанской среды, до еврейского имени. Естественно, что Прокофьев, блюдя пуританизм историко-революционной прозы, не только отметил, искусственность диалогов и описаний: «Неизвестно откуда... Федоров взял язык, на котором изъясняются положительные герои его книги – колхозники и партизаны. Простые русские люди таким выпорченным языком не говорили и не говорят: «Поможем нашим сынам в ратоборстве с поганим» или «Пусть наше могущество прошумит в молодой поросли. Колхозницы, будьте плодоносны, как наша русская земля!». Зафиксировав выпренность классицизма Прокофьев отметил и «бульварщину», и «грубый натурализм ряда эпизодов»¹³⁰.

---

¹²⁹ Федоров Е. Гроза над Шелонью. Л., 1944. С. 227.

¹³⁰ См.: Прокофьев А. О ленинградской теме // Ленинградская правда. 1945. 8 апр.

Но если рассмотреть этот образ в более широком контексте, то северная партизанка вполне встает в ряд женских персонажей советской прозы от товарища Ксении Ордыниной в «Голом годе» Пильняка через шолоховских Аксинью и Лушку, до Дашутки в «Даурии» К. Седых и героинь «Вечного зова» А. Иванова, и «Судьбы» П. Проскурина. Интересную особенность таких героинь подметила американская исследовательница Кэтрин Кларк: «...женщина-ведьма существует в запасниках советской литературы с момента её возникновения. «Ведьмы» обычно происходят из «чуждого» класса и привержены мелкобуржуазным индивидуалистическим ценностям, ибо кто ещё будет представлять себя как «сексуальный» объект?! Если герой начинает испытывать влечение к ней, это мешает его служению общему делу»¹³¹. Впрочем в современной прозе образ женщины – сексуального объекта доминирует и не только в «женских любовных романах», но это уже другая история.

Однако Федоров в 50-х гг. продолжал активно издаваться. Хотя роман «Горная дорога» (1938), подвергся разгромной критике в «Известиях» (11.10.1938) и конечно главной причиной стало то, что партизанским соединением командовал уже исчезнувший маршал Советского Союза В. К. Блюхер. В 1959 г. после реабилитации Блюхера, роман появился в расширенном и дополненном издании под названием «Вдоль голубых уральских гор». Но бывший начальник оперативной части партизанского отряда (о котором идет речь в романе), возмущенно писал, что Фёдоров в погоне за большими эффектами произвольно менял биографии реальных действующих лиц, переставлял эпизоды, места и даты сражений и т. д., хотя по этому поводу существует достаточно большое количество архивных материалов и документов. То есть писатель нарушал строгие законы исторического жанра.

В 1936 г. его сатирическая повесть «Шадринский гусь» (второе название – «Шадринский гусь, или Повесть о Шадринском писаришке Епишке»), получила региональную

---

¹³¹ Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 161.

«Ждановскую премию», а писатель орден. Повести «Тайна булата» (1943), «Находка Ерофея Маркова» (1945), «У горы Магнитной» (1948, под назв. «Детство в Магнитной»), фальсифицировали историю уральской металлургии, так как демагогически приписывали открытие «златоустовской стали» народным умельцам, а имя создателя русского булата П. П. Аносова, как «царского чиновника», дослужившегося из кадетов до генерала и гражданского губернатора Томска не упоминалось. А вот когда все технические открытия стали приписывать русским изобретателям и Совет министров СССР 15.11.1948 издал постановление «Об увековечивании памяти великого русского металлурга П. П. Аносова», Федоров посетился и в 1954 г. появилась книга «Большая судьба». Впрочем, премии она не удостоилась. Однако в 1958 г. его повести (с конца 1930-х по начало 1950-х): «Черепановы», «Кыштымский зверь», повесть о злочлечениях первого русского золотоискателя «Находка Ерофея Маркова» впервые были собраны вместе в двухтомнике избранных произведений.

Наиболее крупное и известное произведение Федорова – трилогия «Каменный пояс» (романы «Демидовы», 1940; «Наследники», 1940; «Хозяин каменных гор», 1953) посвящена освоению русскими богатств горного Урала в Петровскую эпоху. Сюжетным стержнем трилогии является история семейного клана русских рудопромышленников Демидовых. Фамилию Демидов тульский кузнец Никита Антуфьев получил от Петра Великого. События в романе охватывают почти 200-летний период русской истории. Действие происходит на Урале и в Сибири, в Москве и Петербурге, во Франции и в Италии. Среди исторических персонажей – Петра I и Елизаветы Петровны, Меншикова, Суворова, Потемкина, Емельяна Пугачева сотни вымышленных действующих лиц. Династия Демидовых начинается со скромного тульского кузнеца-умельца и заканчивается его правнуками: Николаем Никитичем (умер в своем дворце во Флоренции) и Анатолием Никитичем – князем Сан-Донато (скончался в парижском имении на Елисейских Полях). По Федорову жажда наживы превращает человека в зверя. Дворянские титулы, которыми были награждены наследники тульского кузнеца, роскошь и богатство не

произвели решительных перемен в их характерах, нравах и по-
вадках. Разве что их жестокость стала более утонченной.

Наиболее удачной оказалась, по мнению критиков, первая часть трилогии, где автору удалось показать и привлека-
тельные черты «первонакопителей» – их мастерский труд, организаторские способности и т. д., и одновременно их не-
вероятную жестокость по отношению к рабочему люду, к тем, кто создавал их баснословные богатства. Ставший заводчи-
ком Никита Демидов делает лучшее и более дешевое, чем иноземные мастера, вооружение для армии, за что Петр I жа-
лует его грамотой на владение Уральскими землями. Но хо-
зяин в погоне за все большими прибылями обманывает царя, спаивает и закабаляет народ. В отца пошел и сын Акинфий – он убивает человека, открывшего богатое месторождение руды, чтобы ничем не делиться с ним. Открыв серебряные залежи, Демидов, обманывая государство, втайне сам органи-
зует чеканку денег. Узнав же о приезде ревизора, хозяин при-
казывает открыть шлюзы и затопить подвалы, где работали денежные мастера – это одна из самых сильных сцен в рома-
не. В нем неоднократно рисуются картины произвола, жесто-
ких наказаний и пыток, каторжных условий труда и быта ра-
бочих. Критика как 1940-х, так и 1960-х предъявляла Фёдо-
рову серьезные упреки в отношении художественного каче-
ства этих книг. Так же резкой критике подверглось в 1955 г. последнее крупное произведение Фёдорова – роман «Ермак». В журнале «Дон» (1957. № 6) рецензия на роман так и была озаглавлена «Смесь правды с небылицами».

Практически все произведения Фёдорова продолжали вызывать резкие критические замечания. Отмечались и фак-
тические неточности, и художественные просчеты: недоста-
точная образность повествования, обилие необязательных эпизодов, схематизм в обрисовке ряда характеров. Серьезные претензии предъявлялись Фёдоровым по поводу изображе-
ния реальных исторических лиц, которые были достаточно хорошо известны. Так, Петра I Фёдоров изображал (в отличие и от Пушкина, и от А. Толстого) только с сугубо положитель-
ной стороны. У него Петр I спокоен, рассудителен, чуток

и т. д. Даже Анна Иоанновна у Фёдорова представлена в светлых и даже ласковых тонах.

Кстати, писать жалобы и ложные доносы Федоров, тем не менее, не перестал. Даже после смерти писателя, Прокофьев, ставший к тому времени, твердокаменным сталинистом, вынужден был признаться, на вопрос одного из членов партийного бюро, почему он не присутствовал на похоронах Федорова, поэт откровенно ответил: «...Я не скрывал своего отрицательного отношения к Евг. Федорову, этот человек сделал мне очень много плохого, много поливал меня грязью. Мог ли я любить его, да и было бы честнее подписаться под некрологом или стоять у его гроба, зная, что человек тебя ненавидел...»¹³².

В вышедшем в 1964 г. фильме по детскому рассказу Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» (реж. А. Птушко, подготовка материала Т. Лисициан) со звездным составом актеров, есть злые волшебники, которые строчат доносы подряд по телефонной книге. В ленинградской писательской среде прототипы этих персонажей были узнаны сразу – литературный критик А. Голубева и писатель Е. Фёдоров.

---

¹³² Золотоносов М. Н. Указ. соч. С. 129.

Заключение

Данное пособие можно рассматривать, как один из образцов исторических исследований в контексте изучения того, что мы обозначили в начале текста как исследования памяти («memory studies»). Проблема исторической памяти вышла на первый план общественной жизни и научных исследований. Идеи обращения к истокам, следования традиции, сохранения памяти прочно вошли в лексикон политиков, религиозных деятелей, журналистов. Они также используются и в государственном дискурсе на уровне законодательства, административной практики, государственного и муниципального бюджетирования. Также растет интерес простых людей к истории собственной семьи, города, края. История превращается из занятия профессионалов в публичную деятельность. Дискутируется вопрос о том насколько занятия «публичной историей» можно рассматривать как часть профессиональной деятельности ученых-историков. Большое распространение получают различные виды литературы, использующие исторические нарративы. Такой же всплеск интереса к исторической тематике происходит и в индустрии кино.

Отдельного упоминания заслуживает проблема «исторической политики» или политики памяти. Современные историки понимают под этим механизмы использования истории, манипуляции ею в чьих-либо интересах. Особую актуальность данный процесс имеет для молодых государств, возникающих после распада СССР и претендующих на создание новых наций со своей собственной историей. Это новое восприятие прошлого естественно отражается на уровне культуры, образования, государственной и общественной

политики в целом. Значимые маркеры этих процессов можно найти на страницах учебников, в мемориальной политике, в создании новых или консервации старых праздников, в исторических фильмах, в исторических дискуссиях в электронных и печатных СМИ, Интернете. Все эти процессы имеют разное измерение и проявляются по-своему как на мировом уровне, так и на уровне отдельных стран. Современное российское общество полностью вписывается в эти процессы. Споры о дореволюционном и советском прошлом, поиски национальной идеи, взрыв интереса к собственному прошлому, дискуссии о школьных исторических учебниках, использование исторических аргументов в политических программах, формирование исторической политики на уровне государства, – вот далеко не полный перечень соответствующих реалий. Фрагментарность пространства памяти – естественное её состояние, как естественно и сосуществование разных миров памяти в одном социальном пространстве. Но важно, какие тенденции преобладают в их сосуществовании – взаимное согласование и расширение за счет друг друга или стремление к иерархии, настаивание на особых правах и приоритете. Очень интересным является исследование взаимодействия литературы и истории на разных этапах в этом контексте. Прежнее противопоставление вымысла и факта с этой точки зрения не является эвристичным для исследования различных модусов бытования истории в обществе. Историческая реальность и различные способы ее социального конструирования оказываются тесно переплетены.

В начале XXI в. вопросы о природе исторической реальности и истинности исторического знания приобретают особую актуальность в контексте глобальной трансформации теоретико-исторических и философских взглядов на историю и специфику ее познания. В связи с этим обращение к историческому роману в свете гуманитарных исследований последнего времени представляется важным и значимым.

Вопросы и задания по курсу

1. Роль В. Скотта в развитии жанра исторического романа.
2. Специфика литературного жанра исторического романа.
3. Развитие исторического романа в России в конце XVIII–XIX вв.
4. Влияние романтизма на развитие исторического романа.
5. М. Н. Покровский и развитие советской исторической науки.
6. Марксистские интерпретации российской истории «по Покровскому».
7. Эволюция образа Петра I в творчестве А. Толстого.
8. Интерпретация русской истории (петровская эпоха) в творчестве Б. Пильняка.
9. «Епифанские шлюзы» А. Платонова и историческая реальность Советской России 20-х гг.: взаимодействие вымысла и реальности.
10. Влияние концепций М. Н. Покровского на творчество А. Веселого (роман «Гуляй, Волга»).
11. Образ Степана Разина в романе А. Чапыгина «Разин Степан» и концепция «крестьянских войн».
12. Феномен декабризма в творчестве Г. Чулкова и Ю. Тынянова.
13. Взаимодействие вымысла и исторической реальности в творчестве Ю. Тынянова («Вазир-Мухтар»; «Восковая персона»; «Подпоручик Киж»; «Малолетний Витушишников»).
14. 30-е гг. XX в. (сталинская эпоха) и развитие советского исторического романа.

Рекомендуемая литература

Бахтин М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.

Бахтин М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М. : Художеств. лит., 1986. – 543 с.

Бенкендорф А. Х. Воспоминания: 1802–1837. – М., 2012. – 763 с.

Благой Д. Исторический роман [Электронный ресурс] / Д. Благой // Литературная энциклопедия : слов. лит. терминов : в 2 т. – М. ; Л., 1925. – Т. 1. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm>.

Большая цензура: писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 / сост. Л. В. Максименков. — М. : Междунар. фонд «Демократия» : Материк, 2005. – 750 с.

Вайскопф М. Писатель Сталин / М. Вайскопф. – М. : Нов. лит. обозрение, 2001. – 384 с.

Веселый А. Избранные произведения : [Романы] ; [Рассказы и очерки] / А. Веселый ; вступ. ст. М. Чарного, подгот. текста и примеч. З. Веселой. – М. : Худож. лит., 1958. – 645 с.

Воронский А. Литературные силуэты: I. Борис Пильняк / А. Воронский. – М., 1921. – С. 252–269.

Гройс Б. Утопия и обмен / Б. Гройс. – М. : Знак, 1993. – 374 с.

Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Е. Добренко. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1993. – 410 с.

Добренко Е. Формовка советского читателя / Е. Добренко. – М. : Академ. проект, 1997. – 321 с. – (Современная западная русистика).

Золотоносов М. Н. Гадюшник. Ленинградская писательская организация : избр. стенограммы с комментариями / М. Н. Золотоносов. – М. : НЛЮ, 2013. – 880 с.

Иванов В. Повести древних лет. Предисловие / В. Иванов. – Л., 1955. – 479 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). – *Разные издания*.

Пашуто В. Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе // История СССР. – 1963. – №1. – С. 83–118.

Пильняк Б. А. Соч. : в 3 т. / Б. А. Пильняк ; сост., подг. текста и коммент. Б. Андроникашвили-Пильняка. – М. : Лада М, 1994.

Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России / С. А. Пионтковский. – М. : Мол. гвардия, 1931. – 102 с.

Платонов А. Избранное / А. Платонов. – М. : Современник, 1977. – 448 с.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М. Н. Избр. соч. Кн. 3. – М., 1967. – 671 с.

Попов В. Паспортная система в СССР // Новый мир. – 1996. – № 6.

Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб. : Академ. проект, 2000. – 1040 с.

Струве Г. Русская литература в изгнании / Г. Струве. – 3-е изд., испр. и доп. – Париж : YMCA-Press, 1996. – 448 с.

Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : в 15 т. / А. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1946–1953.

Тынянов Ю. Н. Соч. : в 3 т. / Ю. Н. Тынянов ; вступ. ст. Б. Костелянца. – М. : Худож. лит., 1959.

Чапыгин А. Разин Степан / А. Чапыгин. – Л. : Лениздат, 1986. – 752 с.

Чулков Г. Мятежники 1825 года / Г. Чулков. – М. : Соврем. проблемы, 1925. – 295 с.

Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность Грибоедова / С. В. Шостакович. – М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – 294 с.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2005. – 92 с.

Учебное издание

Козлов Дмитрий Викторович
Воронин Олег Львович

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (20–40-Е ГГ. XX В.)**

Редактор Э. А. Невзорова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

В оформлении обложки книги использованы репродукции картин:
П. Н. Филонов «Первая симфония Шостаковича» (1935 г.); П. Н. Филонов
«Колхозник» (1931 г.); П. Н. Филонов «Тракторный цех» (1931 г.);
П. Н. Филонов «Ударницы на фабрике “Красная заря”» (1931);
К. С. Петров-Водкин «Тревога 1919» (1934 г.)

Темплан 2013. Поз. 206
Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 5,1. Усл.-печ. л. 7,0. Тираж 100 экз. Заказ 193

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36